

Так идут к звёздам.

Направленность: Гет

Автор: [ElizabethMurr](https://ficbook.net/authors/2175736) (<https://ficbook.net/authors/2175736>)

Фэндом: Арчи, Ривердейл (кроссовер)

Пейринг или персонажи: По вдохновению.

Рейтинг: PG-13

Жанры: Романтика, Ангст, Психология, Даркфик, Hurt/comfort, AU, Любовь/Ненависть

Размер: Драббл, 47 страниц

Кол-во частей: 11

Статус: закончен

Описание:

Каждый из них имеет свой неповторимый вкус. Какие-то послевкусием напоминают легкие воздушные и нежные зефирные конфеты, приятно тающие от температуры тела, еще надолго оставляющие привкус ванили. Какие-то сравнимы своей сладостной мятной горчинкой с темным шоколадом, отдающим приятной слабой тяжестью. А некоторые похожи на тягучую карамель, еще долго остающуюся ощутимым осадком на душе, тревожным и незабываемым.

******(Сборник драбблов)******

Посвящение:

Тем, кто не падает в обморок от моих работ (>■<)

Публикация на других ресурсах:

запрещено в любом виде

Примечания автора:

Видны на сайте:

Ты – Багхед.

Убей – Барчи.

33 причины – Багхед.

Акварель – Багхед.

Созвездия – Багхед.

Тепло – Джерил.

Письма – Варчи.

Яд – Джероника.

Роза – Джерил.

Печенье – Джерил.

К звёздам – dark!Багхед.

В процессе:

До пяти – Барчи.

******Внимание!******

Автор очень любит ваши сладкие и такие греюще-теплые отзывы ☺☺☺...

ТОС

ТОС	2
Ты.	3
Убей.	7
33 причины.	11
Акварель.	19
Созвездия.	25
Тепло.	28
Письма.	35
Яд.	39
Роза.	41
Печенье.	47
К звёздам.	51

Примечание к части Возможно, это будет единственным драбблом жанра «Songfic» в сборнике.

(События, расходящиеся с сюжетом. Джагхед покидает школу после испорченной вечеринки...)

♪The Chainsmokers – Bloodstream♪

(Она превосходна, послушайте обязательно)

И приятного чтения♥

Ты.

«За миг до того, как всё померкло, знаешь, что последнее мелькнуло у меня в голове? Ты.»

Тёмная пелена прохладной ночи окутала Ривердейл, накрыла неким незримым куполом, так старательно скрывающим за собой все секреты, страхи и переживания его жителей. Этим летом произошло жуткое событие, — убийство капитана футбольной команды, Джейсона Блоссом, — так или иначе кардинально изменившее жизни абсолютно каждого, и чаще всего это изменение принимало вовсе не добрую сторону. Но самое страшное событие сейчас происходило в душе одного прекрасного голубоглазого подростка с искрящимися, когда-то давно, глазами.

Звёзды в глазах грустного юноши гасли одна за другой.

Всего несколько минут назад был совершён арест отца Джагхеда. Ко всему прочему, парень узнал, что друзья его предали, и не только лишь друзья, сама *Бетти Куппер* его предала — он так думал, в чём, по сути дела, ужасно ошибался. Мир парня трещал по швам, рассыпался прямо у него на глазах на миллиарды кусочков, крупниц, созвездий, рушился в геометрической прогрессии, превращаясь в пыль. А его внутренние звери рвут кожу и плоть в клочья, выцарапывают себе путь к свободе, играют на струнах жил. И солёные слёзы стекают влажными дорожками по щекам, он просто уже не в силах держаться, не в силах терпеть постоянные, просто бесконечные удары судьбы — прямо в сердце, на поражение. И самое трудное — понять, жив ли ещё.

Жизнь Джагхеда застыла, замерла, встала на паузу, подобно тому, как застывает вода в сильные морозы, потеряла грёбанный смысл, который, кажется, появлялся только тогда, когда он видел ту прекрасную — любимую — улыбку *Элизабет*, ту самую, без которой жизнь теряла очертания, расплывалась, словно под водой, теряла все яркие краски и меркла в жуткой тьме бесконечности. В жизни все будто стало тесным, глупым и необыкновенно бессмысленным, впрочем, он вернулся к точке, с которой начинал. Джагхед просто опустошен и разбит этой жизнью. Нет, не верно. Титаник столкнулся со смертельным айсбергом, именуемым «предательство». **Убит.**

«I'm fucked up, I'm faded»

Он бежал так быстро и бездумно, полностью одержимый одним лишь желанием покинуть это место независимо от последствий, что просто забылся, потерялся в этих бесконечных, мокрых и скользких от недавнего дождя, дорогах. Грубые острые ветви царапали его лицо, преграждая путь, но ни это, ни отдаленные глухие крики бегущей позади Элизабет его не останавливали. Парень медленно, но верно и неизбежно шёл ко дну, тонул, не желая бороться за свою никчемную жизнь.

«I'm so complicated»

И вот путь к отступлению всё дальше. Бетти больше не может бежать, она не понимает, насколько нужно быть обреченным и морально убитым, чтобы невзирая на всю свою неприязнь к пробежкам, нестись так быстро и стремительно, будто от того зависит твоя жизнь. Когда Джагхед наконец видит подъезжающий автобус, он немного ускоряется. Яркие фары, словно два огромных желтых глаза дикого опасного зверя, слепят его глаза, и он, закрывая лицо ладонью, сокращает расстояние до своего последнего шанса уехать — этот автобус, вероятно, последний, что идёт из города в эту ночь.

*«Those things that I said
They were so overrated»*

Преодолевая боль в области сердца и сильную одышку, Элизабет кричит, срывая голос, почти хрипит:

— Джагги, пожалуйста... Постой... — а слёзы уже давно льются ручьями по щекам, слишком много эта девушка плачет, слишком многое теряет, она не может потерять и Джагхеда. Эта ночь не может стать последней в её жизни. Если он уедет — она погибнет, морально погибнет.

— Бетс, ты предала меня. — Джагхед останавливается, но не оборачивается, чтобы посмотреть в её лицо. Он боится. Боится, что если обернется хоть на секунду, больше не сможет уйти.

— Ты думаешь, я смогу тебя отпустить? Джагхед, пожалуйста, поверь, я не предавала тебя. Даже, чёрт возьми, в мыслях не было! — Она получает возможность подойти ближе, между ними теперь всего несколько шагов, казалось бы, маленьких, но для Бетти они настолько огромны, что даже перепрыгнуть пропасть казалось чем-то более простым, чем преодолеть это расстояние между ними.

— Я уже никому не верю. Прости, Элизабет, но я должен уехать, — каждое слово даётся все с большим трудом, причиняет всё больше боли. Но он уже принял решение.

«But I, yeah, I meant it

*Oh yeah, I really fucking meant it
Yeah, I meant it»*

— Джагги, ты не можешь... Ты не можешь оставить меня! — слова из-за частых всхлипываний превращаются во что-то нечленораздельное, непонятное, в её горле встал болезненный комочек, мешающий дышать, сопровождая каждый глоток воздуха адскими муками. Но даже это не может быть хуже, чем потеря любимого человека. Бетс потеряла семью, потеряла друзей, когда узнала об их предательстве, последнего удара от Джагхеда она не выдержит. Органы внутри сжались в болезненный узел.

*«I gave up three times this week
Went through those feelings
Like I wasn't worth nothing»*

Джагхед слышит, слышит её слезы, слышит дрожащий голос. Он слышит, как его сердце отбивает бешеные ритмы, ломая ребра на кусочки, малейшие частицы, атомы, молекулы. С чего ради химия? Да с того, что химия — именно то, что происходило между этими двумя, вот оно, самое настоящее её проявление. Шутка в том, что химия — единственный предмет, который так и остался для Джагхеда чужим, непонятым. Рыдания Бетти — последняя подлость, на какую вообще способна пойти жизнь, дабы разбить его. Пожалуй, даже самая ужасная из всех.

*«I thought I can shake this off
No, I can't be this soft»*

Они близко. Казалось бы, пара шагов, подойди и дотронься, но нет, нет. Джагхед так далёк, недостижим и прекрасен, как звезды на бескрайнем просторе ночного неба, и так хочется коснуться, но нельзя...

— Бетс, пожалуйста, не плачь, не вынуждай меня оставаться. — Его губы создают идеальный полумесяц: настолько опущены и грустны, что способны навевать печаль любому холодному человеку. Его голос не дрожит. Он уже все тщательно обдумал. Нельзя проявить слабость в последний миг.

— Джагхед... Прошу, останься со мной...

— Нет, Бетс, прощай. — Джагхед уже заходит в автобус, все это время ожидающий его.

— Я люблю тебя... — девушка произносит фразу одними губами, едва слышно, тихим шепотом, таким же тихим является лишь легкий шелест листвы. Раньше она никогда этого не произносила. Призналась в любви к этому парню Элизабет только матери. И вот сейчас, не надеясь, что парень услышит, фраза нелепо слетела с влажных от слёз губ, растворяясь в тиши леса. Но он услышал. А что делать, если ты уже поставил точку? Исправить её на запятую.

— Что ты сказала? — шокированно, непонимающе и обескураженно спросил парень, ему показалось в ту секунду, что слух его предательски обманывает. Он не верил в услышанное.

— Я люблю тебя, Джагги. Я так сильно, чёрт возьми, люблю тебя, если бы ты только знал, — чуть громче сказала она, зажмурив глаза и нервно сглатывая. Новая слеза покатилась по щеке, глаза давно опухли и покраснели, губы дрожали, но она все равно была прелестна, превосходна, восхитительна. Для Джагхеда она навсегда останется самой красивой принцессой из всех, каких он только встречал. Рюкзак тут же полетел на землю, Джагхед, спешно сокращая расстояние между ними, прикасается к её губам своими. И они растворяются в нежном, трепетном, будоражающим кровь поцелуе. Мир вокруг растворяется, превращается в прозрачную незримую дымку, подобную туману или, быть может, пепельному табачному дыму. В эти секунды есть только Джагхед и Элизабет, ничего более. И стенки между ними рушатся, исчезают, два любящих сердца снова вместе.

Самые честные поцелуи — поцелуи после ссоры.

— Ты... Ты ведь не покинешь меня, Джагхед? — разрывая поцелуй, тихо, с опаской, спрашивает девушка, ужасно страхась ответа. Горячее дыхание обжигает её кожу. Они наконец близко, так близко, как она даже не мечтала.

— Конечно, нет! Бетс, я тоже люблю тебя. И я тебя никогда и ни за что на свете не оставлю. Даже думать не смей! — произносит юноша в губы Элизабет и снова целует её. По телу Джагхеда проходят разряды тока, приятно покалывая. Девушка ощущает теплую истому во всём теле, это чувство за то малое время успело позабыться, стереться из памяти. И каждый раз, как в первый. Они больше никогда не расстанутся. Теперь, когда та самая фраза была произнесена, они не попадутся на глупые уловки судьбы. И в этом ужасном бренном мире, не имея ничего, они обрели себя. Обрели друг друга.

— За миг до того, как всё померкло, знаешь, что последнее мелькнуло у меня в голове? Ты, — произнес парень, и она улыбнулась. Эти слова выжглись ярким пламенем в её памяти.

Юноша, неприязненно относящийся к прикосновениям и поцелуям, теперь нуждался в её близости, подобно зависимому наркоману. Ее касания были впредь более необходимыми, чем кислород. И мысль покидать город после никогда не всплывет в его голове. Смысл жизни был найден. И зовут этот смысл прекрасным именем *Элизабет Купер*.

«Yeah, I meant it»

Примечание к части Не уверена, что эту работу можно назвать действительно полноценным драбблом по Барчи, но уж как есть.

Одна из многих работ, в которых описывается сплошная боль, от которой я почему-то не могу никак избавиться. Просто боль описывать легче, чем счастье.

Говорят, работы – отражение самого человека в строках. И я с этим согласна.

Убей.

Арчи ломает. Его ломает по тонким граням, через каждую выведенную ими заранее линию; крошит на маленькие осколки, не поддающиеся починке — попробуй, склей, только кровь прольешь. Арчи — Кай в своем маленьком королевстве. Он запутался, у него больше нет сил собирать эти бесконечные пазлы, разгадывать бессмысленные загадки и подышать от нескончаемого холода, пробравшегося уже до самого мозга, проморозившего кости, трескающиеся, словно фарфор.

Шерилл, Бетти, Вероника, Мисс Гранди — сколько можно? Как разобраться в собственных противоречивых эмоциях, при этом не ошибившись в очередной раз? От каждого поражения корочка льда на сердце становится всё плотнее и толще, в конце концов совсем скрывая за белым кружевом снежных узоров. Но его коллекция, по крайней мере, постепенно собиралась. Пазл собирался, но не хватало одной детали, от отсутствия которой Арчи впадал в бешенство, и никакие нервы уже не выдерживали.

Стремительное превращение в ледяную фигурку так бы и продолжилось, все набирая бешеные обороты, но даже в сказке про Снежную Королеву появилась своя героиня, предположительно претендующая на роль «его спасительницы».

К сожалению, все-таки не все сказки имеют положительный конец. Бетти Купер разрушает его; Бетти Купер заставляет Арчи задохнуться кислородом в своем присутствии, и никакая Вероника Лодж уже не может это исправить. Вероника Лодж — Принцесса, но одна из тех, какими насыщаешься уже через неделю. Идеальная девушка с безупречной внешностью и бархатной фарфоровой кожей, сногшибательная, горячая брюнетка с выразительными глазами, идеально подведенными чёрной подводкой, — и все же она не способна заполнить его пустоту.

В конце концов, всегда есть два типа песен. К первому относятся те, которые нравятся, но лишь первое время, быстро становятся раздражающими или просто скучными. Ко второму те, которые можешь слушать до конца жизни, и они никогда не потеряют былого совершенства. Очевидно, Бетти Купер относилась ко второму, редчайшему типу. Повезло, что нашел, но упустил. *Не записал название песни.* Не подтвердил слова Элизабет.

Вкус поцелуев Вероники забывался каждый раз, стоило Арчи увидеть лучшую подружку, когда-то любившую его. И стоило парню вновь почувствовать сливового цвета губы Вероники на своих, горечь начинала вновь расползаться по телу. Арчи грешил мыслями о том, каковы на вкус поцелуи *Бетти*, и это сводило его с ума. Парень был точно

уверен в том, что это *сладкая вата* или, быть может, *сливочное мороженое*.

Он все еще верил, что отношения Бетти и Джагхеда — лишь дурацкий способ пощекотать Арчи нервишки, но он не мог отделаться от мысли, что этот способ жадно и с невероятной скоростью съедает все его нервы. Просто выгрызает их с корнем.

Джагхед Джонс с некоторых пор стал соперником, предметом ненависти и самым настоящим препятствием. Этого не должно было свершиться, их дружба была крепче самого алмаза, но каждый раз, стоило парню увидеть Джагхеда и Бетти вдвоем; стоило ему увидеть их в объятиях или слившихся в поцелуе, мозг тут же отключался. Темнота, безумие, ненависть — вот и все его чувства. Обыденно и скучно. Он знал себя отлично, и мог предугадать любой свой следующий шаг, но только не когда она смотрела на него. В те моменты его светлые чувства разлагались, заменяя себя сугубо мрачными. Но никто этого не знал, ведь Арчи — парень с шаблонной внешностью, всеобщий любимчик и предмет для подражания. Просто немного сходит с ума.

Где произошел сбой в системе?

Где была допущена непростительная ошибка?

Всего одно её быстрое «привет», брошенное между делом, невзначай, а он уже проваливается в эту бесконечную бездну, непременно иссиня-черного цвета, взявшуюся из ниоткуда, поглощающую его с головой, беспощадно. Он думает, что уже утонул, но после лишь с небывалым разочарованием замечает, что все еще тонет, погрязая в этой мерзкой липкой жиже, цвета, давно вызывающего тошноту — чёрного. И наверное, Арчи будет задыхаться еще долго, дабы *Элизабет Купер наслаждалась его болью как можно дольше*.

Арчи умер. Нет, сам он об этом конечно, не догадывается, но он умер прямо сейчас, всего лишь оказавшись пойманным одним ее мимолетным взглядом. В плену своих же безумных мыслей, запутанных в паутину; спутанный клубок, побывавший в лапах нашкодившего котенка. Арчи потерян в созвездиях.

— Арчи? — а Элизабет не понимает, в чем причина *такого* взгляда парня. Она пыталась найти в его глазах, непременно когда-то любимых, так искренне желанные ответы, но не выходило. Нечитаемые эмоции. Несвойственные Арчи, чужие. — Все в порядке? — с наигранным беспокойством спрашивает блондинка, ей давно плевать на парня, так беспощадно разбившего ее сердце. И она мстит, сама о том не догадываясь.

Арчи ведь для Вероники.

Арчи не для Бетти.

«Как все может быть в порядке, если ты так далека? Рядом... Но далека.»

А вслух только:

— Да, Бетс, как всегда превосходно, — и фальшивая улыбка по выработанной привычке,

как и полагается самому популярному тинейджеру школы — за исключением, разумеется, Джейсона, с которым его так часто сравнивали; настолько приторная — даже горечь не различишь.

— Правда? — как-то уж слишком недоверчиво спрашивает девушка, но ей не интересно. Давно плевать.

— Конечно.

— Я, вообще-то, хотела спросить, не видел ли ты Джагхеда? — Бетти смотрит прямо ему в глаза без прежнего стеснения, без той неловкости и скромности. Парализующим, испепеляющим взглядом. Но на этот раз его сердце трещит по швам, не её. Смена ролей, игра контрастов.

Снова Джагхед. Имя, произнесенное из ее уст, кажется ему чем-то ядовитым, пропитанным желчью, до невозможности мерзким, определенно химозным и совершенно точно опасным. Арчи мысленно рисует в голове картинку, новую историю, в которой Джагхед стёрт со всех страниц; где Джагхеда не существует. И от того чувствует ненависть к себе же самому, ведь эти двое — его лучшие друзья, *так нельзя*.

Но Арчи не волнует, что там можно, а что нельзя. У него свои правила. В конце концов, было ли когда-нибудь хоть что-то, чего Арчи хотел и не добился?

Было.

Одно единственное, незавершенное, без галочки напротив. *Элизабет Купер*. Он уже не знает, для чего так намертво хватается за мысль о том, что безумно жаждет заполучить Бетс. Только из-за возникшего непреодолимого желания получить всё? Это страстное желание. Неудовлетворенность от мысли о том, что кто-то все-таки ему неподвластен. Ведь Арчи *всегда получает то, чего хочет*.

Она была у него под носом, но выскользнула, не успел он оглянуться. Он не думал, что она сможет так быстро найти ему замену, *Бетти должна была продолжать бегать за Арчи*, но она решила иначе, играя по своим собственным правилам. **Не по его правилам.**

— Нет, не видел, — говорит парень, понимая наконец, что слишком долго простоял в ступоре. Подозрительно, но она все равно не поймет. Никто не понимает. В этом мерзком городе, погрязшем во лжи и грехах, никто никому не верит, никто никого не понимает.

Но отношения Джагхеда и Бетти идеальны, и его это вымораживает.

Вымораживает во всех смыслах этого слова. Арчи не чувствует, что жив, слишком много льда; слишком много холода. Этот замкнутый круг из вечной вакханалии его порядком доканал.

— Что с тобой? — снова удивленные глаза и напыщенная заинтересованность. Браво, Бетс.

«Ничего, просто... Ты режешь меня без ножа. Я ненавижу тебя, Бетс. Ненавижу, потому что не могу контролировать.»

А вслух лишь:

— Хей, я же сказал, все замечательно.

— Я рада, — говорит Элизабет и, добивая, заключает в дружеские объятия, в которых он тает, наконец освобождаясь из тесных ледяных оков. *Арчи не может растаять. Только холод. Только безразличие. Только сталь.*

А Бетти улыбается. Улыбается и светится, словно чертов ангел. Беззаботно, с откуда-то взявшимся энтузиазмом, с добрым блеском в глазах. *Она и есть ангел.* Но если милая малышка Бетс ангел, ангелы — убийцы. Бетти убийца.

Бетти убивает Арчи.

« Ну не томи, убей же меня наконец, Элизабет Купер.

Я не против... »

33 причины.

День Святого Валентина – три слова, прежде всего вызывающие у Джагхеда Джонса странное отвращение, ведь *что может быть в мире лучше еды?* Раньше казалось, такого не существует, но с некоторых пор самым любимым в мире – да что в мире, во всей необъятной вселенной – стала девушка, с так мелодично звучащим, карамельно-сладким на вкус со сливочным послевкусием имя – *Элизабет Купер*. Стоило кому-либо произнести имя девушки, и у него уже сердце трепещет. По-началу Джагхеда пугали все эти доселе незнакомые чувства, но за несколько лет он успел с ними свыкнуться, смиренно принять и смириться.

Джагхед был влюблен в Бетти последние, кажется, три года. Честно говоря, он уже сам точно не помнит, ведь порой закрадывается мысль о том, что он чувствовал нежные светлые чувства к девушке еще с самого рождения. Какое-то значительное время прошло с того момента, как по воздуху раскатом грома пронеслось её застенчивое: «Джаг, я по-моему влюбилась».

Для начала его сердце забилося с бешеным ритмом, все набирая обороты, словно пытаюсь выиграть кого-то в беспощадной гонке. Потом по всему телу разлилось приятное тепло, отдаленно напоминающее эйфорию, и тем не менее намного более приятное, стопроцентно в миллион раз.

И когда она закончила свою фразу, уже вызвавшую в нем бурю эмоций, поглощающих громадной волной, целым цунами счастья, накрывая с головой, его сердце так же быстро упало куда-то вниз, забирая с собой весь этот букет наиприятнейших эмоций: «в Арчи».

Да, в тот момент он определенно был уничтожен физически и морально, просто обесточен навсегда, впад в прострацию, но прошел год, и Джагхед по-прежнему ее любит, но уже не испытывает болезненного чувства в области сердца каждый раз при виде нее. Сейчас было легче, ведь в закромах души, в самых темных углах, таился маленький пушистый комочек надежды, редко проявляющий свое существование, и тем не менее он существовал, хоть и хорошенько запертый под замком съедающего чувства волнения.

Джагхед с наивной детской, но такой неподдельной и щенячей искренностью верил, что Бетти больше не влюблена в их общего лучшего друга Арчи. У Арчи ведь теперь была несравненная Вероника Лодж, несомненно незаменимая и прекрасная, но на вкус Джагхеда уж больно холодная, точно из льда.

Все эти розовые сопли, проявляющиеся в нескончаемом количестве сердечек, преследующих парня на каждом шагу, порядком раздражали, но на этот раз он решил переступить через собственные принципы ради прекрасной Бетс, и плевать, что она может безжалостно отвергнуть парня, лишь кичливо вздернув подбородок и махнув ему рукой ака «тоже мне, влюбленный мальчишка».

Каждый день он занимался этим самоедством, чаще всего сопровождая собственные

погрызания здравого смысла заказанным в Попсе бургером, да горьким кофе, обязательно отметив заранее, что без сахара. Сладостей ему в жизни хватало. *Элизабет Купер* – и уже просто тонешь в приторно-сладком чувстве, да побыстрее, чем мог бы от тонны конфет.

Весь этот вечер, а может и ночь, Джагхед вновь проведет за столиком в Попсе, сделав заказ, как обычно, по привычке, погруженный в раздумья над листом бумаги, постоянно покусывая карандаш, дабы хоть как-нибудь укротить эту спутанную в паутину цепочку из угнетающих чувств – волнение, страх, смущение и непонимание.

На следующий день Джагхед уже топтался на крыльце дома Бетти, не в силах сделать последний шаг. Наверняка если его заметили, мысленно приписали диагноз «психопат» напротив анкеты действительно душевнобольного парня. Наконец он нажал на кнопку, которой так страшился все это время, и это было похоже на запускание бомбы замедленного действия, Джагхед прямо отчетливо слышал отсчет до того момента, как дверь откроется, и параллельно с этим произойдет ожидаемый взрыв, вот только задев одного лишь Джагхеда. Внутри, разрывая на маленькие кусочки, но так, чтобы никто не заметил, оставляя снаружи по-прежнему спокойный сосуд с подчеркнуто растянутой бодрой улыбкой на лице.

– Привет, Джагги, ты что-то хотел? – спрашивает Элизабет, и его сердце забило набат, а дыхание мигом перехватило.

Его ноги будто стали ватными, а в голове кружилась карусель из обрывков мыслей, чувств и пульсирующей крови. Через секунду под ее взглядом лопается, словно мыльный пузырь, его вроде бы когда-то непоколебимая уверенность, рушится, словно карточный домик под напором сильного ветра.

– Да, я вообще-то хотел тебе кое-что передать, – картинная непринужденность, рисованная уж слишком неаккуратно, неправдоподобно; взгляд, в котором сквозит отчаянье; голос, прозвучавший чересур заторможенно и сбивчивое порывистое дыхание – то, чем сейчас грешил парень.

– Эй, приём!! – доносится до парня словно бы издалека, будто он под водой, – Земля вызывает Джагхеда Джонса, – едва сдерживая льющийся из нее ручьем смех, Бетти махает рукой перед лицом парня. Джагхед застыл на месте, чуть приоткрыв рот, он явно немного не подрасчитал своих способностей, когда писал это чертово письмо.

– А, да, – восторженно, говорит он с деланной непринужденностью и наигранной беззаботностью, – это тебе, – заканчивает Джагхед, с почти стопроцентной уверенностью в собственном провале, понуро опустив голову с какой-то диковинной стыдливостью, и протягивает блондинке бережно запечатанный конверт. Без сердечек – это было бы для него апогеем позора. Уж сердечки не для Джонсов, все-таки он не сопливая девчонка.

Но почему-то дыхание сперло, а мрачные мысли лихорадочно рвались в голову.

«Моё сердце мне больше не принадлежит», – наконец подмечает Джагхед, растянув губы в кривой ухмылке.

Коварная Элизабет Купер взяла над ним верх, победила в игре, хоть победитель и так был predetermined заранее.

Но если победное первое место следовало отдать Бетс – он покорно делал бы это тысячи раз, бесконечно, снова и снова закрывая при том глаза даже на то, что при этом **он всегда умирает**. Второе место – *всегда гарантированная смерть*. И Джагхеду плевать.

Бетти Купер влюблена, влюблена не по-детски сильно и это постоянное чувство потерянности гложет девушку изо дня в день. Когда предмет ее обожания сам заглянул в гости, у Бетти начался фриссон. Сразу целый вихрь эмоций обдал девушку с головой, и ей было неподвластно это доминирующее над ней головокружительное чувство – ноги сами подкашивались при виде кремового нежно-голубого цвета глаз этого парня, похитевшего её сердце.

Дрожащими руками распечатывая конверт, девушка почти заплакала. Внутри терзало чувство девичьего волнения, словно дикий зверь. И она даже представить не могла, что именно окажется внутри бумажного, как и этот город, конверта.

Бетти немного развернула альбомный лист бумаги, и с ее губ сорвался подавленный всхлип. Слишком уж как-то всё было неправдоподобно. Нет, что за шутки?

[33 причины.]

Заголовок был выведен аккуратными красивыми буквами, и девушка даже на секунду подумала, что у Джагхеда почерк даже красивее ее собственного. Она прочитала оглавление трижды. Может, даже больше раз, но так и не смогла уловить смысла. Где тут скрытый подтекст с розыгрышем? 33 причины чего? Джагхед – парень, которому глубоко плевать на людей; социопат, преданный еде и только ей одной; парень, который никогда не снимает чертову шапку. Что он мог написать ей?

С нескрываемым опасением она продолжила читать, уже ногтями вонзаясь под кожу ладони правой руки – по привычке, чтобы успокоить себя.

[1. Сейчас ты снова калечишь свои руки, поэтому милая Бетс, пожалуйста, навсегда забудь об этом занятии, ради меня.]

Самые разные мысли пчелиным роем проносились в голове, и ни за одну из них она не могла ухватиться. Элизабет невольно вздрогнула, когда прочитала предложение. Откуда он знает? Улыбка сама заиграла на губах, а рука была тут же расслаблена. Ради Джагхеда.

[2. Прямо сейчас ты улыбаешься, я почти в этом уверен.]

Элизабет сдержалась, чтобы не засмеяться. Почему-то от первых двух пунктов по телу уже разливалось сладкое тепло. Чувство окрыленности стало еще сильнее, и она уже знала, что следующие пункты окажут на нее не менее сильное влияние.

[3. У тебя очень красивые глаза, и я теряю самообладание, когда смотрю на тебя.]

Джагхед Джонс смотрит на нее? Но сколько бы раз она не бросала на него мимолетные взгляды, ни разу не замечала взгляд, прикованный к ней. Наверное, это происходило украдкой, пока она не видела, и осознание этого факта безбожно льстит.

[4. Да, Бетс, я смотрю на тебя даже чаще, чем ты думаешь.]

Щеки Элизабет по какой-то неизвестной для нее причине стали пунцовыми, и от их жара, возможно, вода на лице начала бы испаряться. Но сейчас было не до экспериментов. Джагхед Джонс все-таки смотрит на нее... Нет сейчас во всем мире человека более счастливого, чем Бетти.

[5. У тебя восхитительная улыбка. Самая красивая из всех, какие я вообще видел. Улыбайся чаще, пожалуйста, это поднимает мое настроение. Только твоя улыбка...]

У девушки перехватило дыхание, и перед глазами заплескали звезды, вскружив ей голову. Ему нравится её улыбка, да что вообще может радовать сейчас сильнее?

[6. У тебя очень красивые волосы, и я уверен на сто процентов, что они безумно мягкие и пахнут медом с корицей.]

Ого, неужели парень так внимателен к ней? Наверное, должно было стать страшно в тот же момент, когда она поняла, что именно таким шампунем и пользуется, но сейчас было все равно.

[7. Тебе очень идёт твое платье персикового цвета, расстраивает, что я видел тебя в нем лишь однажды. Я мог бы смотреть вечно.]

В таком платье Элизабет была единственный раз на вечеринке в школе, но тогда её сердце было разбито. Кто бы мог подумать, что в этот же вечер не менее мерзко чувствовал себя и парень в причудливой шапке.

[8. У тебя милый нос.]

Бетти тут же невольно дотронулась свободной рукой до носа. Что же в нем милого? Черт, неужели Джагхед собирает на нее досье? Девушка так и не понимала, для чего все это нужно.

[9. Твои глаза горят, когда ты говоришь о милкшейках. Твой любимый, кажется, клубничный. Ради тебя я даже рискнул однажды попробовать. Неплохо, только никому про это не рассказывай, пожалуйста.]

Бетти тихо рассмеялась. Неужели парень настолько хорошо её знает?

[10. Ты постоянно ссоришься с родителями, ведь они не понимают тебя. Я понимаю.]

Элизабет и Джагхед дружат с самого детства, и только сейчас она поняла, что каждый раз, когда она чувствовала себя ужасно, ее единственной поддержкой оказывался именно этот парень. Он всегда был рядом, даже когда все отворачивались от нее, и от этого ее чувства разгорелись лишь с большей силой.

[11. Ты все планируешь заранее.]

[12. Ты не злишься на меня, когда я не понимаю элементарных вещей. Ты действительно очень умная.]

[13. У тебя длинные ноги.]

Он смотрит на ее ноги? От такого факта ее чувства будто смешали в одной большой миске и взбили миксером, поэтому она больше не понимала, что с ней творится. Щеки девушки снова залил румянец, кожу приятно покалывало, а в животе порхали бабочки. Да что там бабочки – целый зоопарк.

[14. Тебе нравится моя шапка.]

Ну уж с этим фактом спорить было бы бесполезно. Она действительно мечтала однажды снять с парня шапку-корону и примерить на себе, но почему-то думала, что он ей откажет.

[15. Я обязательно дам ее тебе поносить.]

Этот парень определенно знает все ее мысли даже лучше, чем она сама. Превосходно иметь такого друга.

[16. Твой смех, словно песня.]

Он что, подсмотрел это где-то в интернете?

[17. Ты поняла, что я подсмотрел это в интернете.]

Элизабет уже не могла сдерживать собственные эмоции, поэтому вновь рассмеялась, прикрывая рот ладошкой, и упала на кровать, продолжая читать это чудесное письмо, каким-то чудом оказавшееся у нее в руках.

[18. Ты всегда уверена в своих решениях.]

[19. Ты улыбаешься и даже представить себе не можешь, что я чувствую в данный момент.]

– Что он чувствует? – пробормотала девушка вслух, – чего я не знаю... Не важно...

[20. Первые слова, которые ты мне сказала, были: «Знаешь, эта шапка так чудесна, но даже она выглядит не так прекрасно, как твои глаза». Но потом ты почему-то убежала...]

Элизабет нахмурилась, как он мог это запомнить? Она действительно произнесла это, когда-то давно, в далеком беззаботном детстве, ведь проспорила какой-то девчонке. Она действительно посчитала мальчика милым, но ее смущению не было предела. А если задуматься, выходит, парень никогда не снимает шапку. С самого детства. Поразительно.

[21. Мое сердце замирает каждый раз, когда я вижу тебя.]

Девушка прочитала пункт еще раз, затем закрыла глаза, вновь открыла их и прочитала снова. Не галлюцинации. Он и правда написал это. Черт, сегодня просто волшебный день.

[22. Ты влюблена в Арчи Эндрюса, и это не дает мне жить спокойно.]

Девушка криво ухмыльнулась, понимая, что здесь он как раз-таки прогадал. Элизабет не влюблена в Арчи. Все же Джагхед знает ее не так хорошо, но здесь виновата уже она сама, ведь скрыла правду от лучшего друга. Но почему это не дает Джагхеду жить спокойно?

[23. Ты любишь книги, и твоя любимая про монаха и девушку с крыльями.]

Бетти снова рассмеялась, когда поняла наконец, что парень имел ввиду «Ромео и Джульетту». Интересное описание, но она и правда ее любимая.

[24. Я пишу романы. Ты спрашивала, о чем они. Все до единого о тебе.]

Прямо сейчас ее сердце было готово вырваться из груди, неужели это действительно происходит? Романы про нее... Мир перевернулся с ног на голову, превратившись в красочный калейдоскоп, но такая смена гаммы ее радовала.

[25. Я позволяю тебе называть себя «Джагги». Тебе одной.]

И почему-то раньше она об этом не думала, неужели она играет такую особенную роль в жизни парня?

[26. Ты любишь рисовать. Однажды я видел, как ты рисуешь мой портрет. Наверное, по памяти. Тогда я потерял голову от счастья, но так и не понял, почему удостоился такой чести. И даже не спросил.]

Девушка выругалась про себя. Она и правда любила рисовать именно Джагхеда, но а теперь еще и оказывается, что она была поймана за так тщательно скрываемым занятием, вошедшим в привычку.

[27. Ты очень здорово поешь, принимая расческу за микрофон. И танцуешь ты тоже восхитительно. Самая отпадная Речная Лисичка из всех.]

– О, черт, – вслух произнесла Бетти, осознавая, что забывает в такие моменты задвинуть шторы. Джагхед ведь живет у Арчи, – неужели ты так любишь наблюдать за мной, Джагги?

[28. Шпионить нет, но вот замороженно наблюдать, затаив дыхание, действительно да.]

Сердце вело отчаянную борьбу с ребрами, разум затуманился розовой дымкой блаженства, она хотела смаковать эти моменты как можно дольше. Все ее тайные желания сбывались в этот самый момент.

[29. Ты любишь животных и мечтаешь о котенке, но родители тебе не позволяют, поэтому я нарисовал тебе небольшого. Не грусти.]

Напротив этого пункта действительно сидел котенок с искрящимися глазками. Нарисованный, но невероятно милый. Счастье переполняло Бетти, ведь Джагхед настолько внимателен к ней.. Все, до мелочей. Он нарисовал ей котенка. Где же чертов подвох? Это слишком превосходно.

[30. Ты понятия не имеешь, какая ты великолепная.]

[31. Ты сводишь меня с ума.]

[32. Ты даже не замечаешь, как сильно я люблю тебя.]

Элизабет бросило в дрожь от последних строк, и она перечитывала предложение снова и снова, пытаясь найти подвох. Джагхед любит ее?

[33. Ты так и не поняла, что я безнадежно и отчаянно в тебя влюблен.]

Как только девушка почитала последнее предложение, то буквально свалилась с кровати. Счастье засело в ней пушистым котенком, и сравнить это чувство с чем-либо было сложно. Она просто без ума от радости; без ума от парня. В самом конце мелкими буквами было выведено «33 причины, почему я люблю тебя». Самый замечательный парень на планете влюблен в нее.. Ее ладони вспотели, щеки горели, а дыхание стало прерывистым и жарким.

Трясущимися руками Бетти потянулась за телефоном, открывая контактную книгу. Номер парня она нашла без особого труда, он был самым первым. Не просто так.

Долгие гудки, во время которых девушка успела тысячи раз прошептать: «Господи, ну пожалуйста». Она все еще не до конца поверила. Наконец парень ответил.

– Алло? – сейчас он переживал как никогда, ведь Бетти, очевидно, уже прочла его сумасшедшее признание, на которое он долго не мог решиться. Но голос парня не выдавал.

– Это правда? – спросила девушка, судорожно хватая ртом воздух. Его в комнате вдруг

стало как-то подозрительно мало.

— То, что я все-таки попробовал клубничный милкшейк? — начал парень, как всегда включив в себе зазнайку, — та еще дрянь, но вполне себе ничего. Сладкий такой... Клубничный...

— Джагги!!

— Ладно-ладно, да, это правда. Я люблю тебя, Бетти Купер, — сглатывая, произнес Джагхед, его нервы были натянуты, как гитарные струны. Ее ответ значил для парня всё.

— Бетти? — произнес он после минуты молчания. Девушка была слишком шокирована, чтобы ответить. Одно дело увидеть на бумаге, и совершенно другое услышать, как он это произносит.

— Д-да, да, — промямлила девушка, в уголках глаз собрались слезы, и она зажмурила глаза, проронив каплю слез счастья, — я люблю тебя, Джагхед Джонс Третий.

Произнести: «Я тоже люблю тебя», было бы не кстати. Фраза прозвучала бы как одолжение, и Бетти не хотела, чтобы парень так подумал. Сейчас оба находились на седьмом небе от счастья. Наконец они признались друг другу, и их больше не отдаляли громоздкой стеной тайны. Эти самые стены были разрушены в тот же момент, как Элизабет произнесла заветные три слова.

Примечание к части ****Соулмейт****.

Знаю, что тема с цветами заезженная, но я просто ногти грызла – безумно хотелось написать нечто эдакое.

Акварель.

В детстве Элизабет наслаждалась яркими переплетениями оттенков радуги, сливающимися в огромный водопад греющих душу тонов, разбивающийся в карусели цветного калейдоскопа красок. Она обожала пылающие красным тлеющие рассветы и закаты, топящие солнце в лилово-розовых пунцовых, таких кучеряво-воздушных и легких, как сладкая вата или взбитые сливки облаках. Уходя за горизонт, солнце оставляет после себя невероятной красоты полосы, что образуют причудливые линии, расплывчатые и неясные, словно нарисованные акварелью, сочетающие в себе невероятно гармонирующую теплую гамму красок – от тускло-желтого и ярко-оранжевого, до розового бархатистого и успокаивающего нежно-голубого.

Бетти нравилось по ночам наблюдать за мириадами лимонного цвета звезд и молочным серпом месяца, поблескивающими на набесном куполе иссиня-черного цвета, словно волшебные искусные украшения кудесницы-судьбы, так прекрасно распределяющей свою палитру. Ей нравился этот лимонный цвет, сначала горький и кислый, а потом чуточку сладкий.

Элизабет помнила, какого цвета солнце, так похожее на сыр Чеддер цветом слоновой кости, нежного кремового оттенка желтого. Она, впрочем, любила все цвета, но однажды, в один из прекрасных летних деньков, когда гравий нагревался под греющим солнцем, а воздух наполнял легкие запахом с нотками мускатного ореха и топлёного молока, глаза поразила внезапная резь, словно вкраплениями миллионов тонюсеньких незримых иголок.

Голова тогда разболелась не на шутку, а весь мир вдруг потерял четкие очертания, размываясь и беспорядочно пошатываясь, точно под действием землетрясения. И когда она открыла глаза, всё вокруг приобрело лишь *пепельно-черный антрацитовый с вкраплениями аквамарина цвет*.

Элизабет было десять.

Всё потеряло краски.

С того самого дня она забыла свои любимые цвета. Никакого броского клубнично-красного; никакого ярко-апельсинового; никакого сочно-зеленого, как кисло-сладкое яблоко – карандаши этих цветов всегда заканчивались в наборе первыми. Но сейчас не было совсем никакого. Только бесконечная чернь с отливом василькового цвета.

Ощущение было непривычным, словно иллюзия, сжигающим изнутри, дотла. Девочка посчитала произошедшее дефектом или недоразумением, которое мама обязательно исправит, быстро перечеркнув, сводя все ее страхи на нет.

С ужасно испуганным видом Бетти побежала к Элис в надежде, что по крайней мере та

сможет дать ей ответы, но мама лишь метнула на нее презренный взгляд и промолчала, а Элизабет так и осталась жить в сумасшедших догадках.

Ответов у Бетти не было, как и чернил, чтобы заново заполнить жизнь краской.

Элис Купер не хотела делиться с дочерью правдой, ведь на сто процентов была уверена в своей правоте. А именно, она считала, что Элизабет не стоит отвлекаться на такие вещи и всерьез заняться учебой. Естественно, муж ее всегда поддерживал, ведь смысла спорить с Элис не находил, а потому, когда дочь втайне от матери задала отцу тот же вопрос, он не ответил, лишь понуро опустив голову, с сожалением.

Со временем Бетти начала догадываться, что не у одной нее в жизни произошел такой внезапный сдвиг, ведь у всех её одноклассников мир тоже изменил цвета – ей приходилось узнавать подробности из случайно услышанных где-нибудь разговоров, потому что по какой-то неясной причине никто ей этого не рассказывал.

В двенадцать она уже знала, что по достижении десятилетнего возраста у каждого человека происходило то же, что и с ней самой. Жизнь внезапно приобретала всего два цвета – не считая многочисленных оттенков каждого из этих цветов. Первый олицетворял цвет волос твоего соулмейта, а второй цвет его глаз.

Сначала вся эта безумная система до чертиков пугала девушку, ведь постоянная тоска по любимым цветам никогда не покидала ее, но с годами она начала привыкать к этому мраку густой ночи. Конечно, для девушки, искренне преданной яркой палитре красок, такие изменения казались чересчур грубыми и несправедливыми.

Видеть все в темных тонах было так же больно, как получить ранение в сердце ножом. Возможно, даже больнее. То же самое, что падать с высокого здания – невероятно долго и до холода в позвоночнике страшно. И Бетти больше не могла без слез описать цвета лета или точно сказать какого окраса листья осенью.

Солнце и трава стали серыми.

Как и вся ее жизнь.

Когда Бетти влюбилась в Арчи Эндрюса, ей постоянно приходилось плакать по ночам, предаваясь мыслям об этом прекрасном парне. Она понимала, что он не её соулмейт, потому что сам парень в ее глазах был в черно-белых цветах, и будь он ее судьбой, Бетти непременно различила бы его черные, как крыло ворона волосы и синие, как океан глаза.

Арчи был не её соулмейтом.

Такой факт убивал её и тянул ко дну тяжким грузом. Девушка знала, что если даже у нее с Арчи могли завязаться какие-то отношения, то её жизнь навсегда потеряла бы последние два цвета, и уже никогда вновь не приобрела ни одного.

Так получилось, что люди покорно стояли на коленях перед этой глупой системой, но ничего поделать не могли. *Эту власть не свергнуть.* И если целуешь своего соулмейта – в

душе появляется восхитительное чувство взрыва миллионов фейерверков, непременно разноцветных и искрящихся. Что-то среднее между ощущением бабочек в животе и приятным холодком по всему телу, сопровождаемым щекочущими мурашками. Если же целуешь человека, который тебе не подходит – перед глазами навсегда остаются скучные черно-белые цвета, постоянно мешающиеся в грязно-серый.

Бетти терзали самые угнетающие чувства, о существовании которых она даже не догадывалась прежде, и девушка шла по замкнутому кругу, сходя с ума. Гнев, обида, тоска, разбитость и, наконец, безразличие – именно в таком порядке, всегда, не меняя ни единого звена в цепи, дабы не нарушать идеально построенный жизнью план по ее разрушению.

Желание снова видеть яркие цвета стало ее утопией.

Джагхед любил темные оттенки сколько себя помнил. Небо цвета индиго ночью, за пару часов перед восходом; глубины бушующего океана и безжалостный шторм, во время которого всё вокруг мешается в тот же черный цвет, сливаясь воедино – и небо, и земля; цвет густого наваристого черного кофе, такого же горького, как и его жизнь.

Джагхед любил все черное.

И когда однажды его глаза болезненно защипало, а на разрезе глаз рефлекторно собрались слезы от чувства, будто песка насыпали; когда он вновь открыл глаза, всё вокруг исказилось, как в кривом зеркале, стало *белого, как день, с отливом изумрудного, точно свежескошенная трава цвета.*

Других цветов он больше никогда не видел, и от постоянной раздражающей белезны у него порой болела голова, накаляясь до тысячеградусной температуры. *Нешадный испепеляющий свет преследовал его всюду.* Джагхед считал эту систему несправедливой, неправильной и ужасно глупой.

Каждый день, стоило ему открыть глаза, он видел белизну, после которой стоило ему закрыть глаза, появлялись кучи мигающих пятнышек, все тех же зеленых и белых цветов. Эти пятна были колкими, как коротко стриженный газон и рябщими, как экран телевизора в непогоду, и болезненно-слепящими, но точно не разноцветными, как в детстве.

От постоянного света он терялся в пространстве, порой натываясь на какие-то предметы, и оттого лишь больше злился. Парню была безразлична судьба его половинки, ведь все это казалось ему ненужным мусором, навязчиво засевшим в его жизни. Он не хотел подыгрывать, не хотел даже пытаться начать поиски, а потому лишь обрекал себя на вечные пытки, непременно зеленого цвета с белыми переливами и отблесками.

Белый, которого он так отчаянно избегал и зеленый, который казался ядовито-кислым и химическим, стали его постоянными спутниками.

И когда Джагхеду приходилось наблюдать, как Арчи Эндрюс знакомится с Вероникой Лодж; как вновь начинает радоваться жизни, Джагхед только проклинал свою собственную жизнь. Когда друг начинал ему живописно, *в красках* описывать каждый цвет по отдельности, Джагхеду хотелось поскорее утопиться.

Он не привык даже в двенадцать.

Чувство неприязни ко всему съедало его изнутри.

Это произошло, когда обоим исполнилось шестнадцать. Джагхед проводил свой ярко-белый с зеленой тенью вечер в забегаловке «Pop's». Все подростки Ривердейла отлично знают это место, но для Джагхеда оно стало роднее дома. Мало кто знает, насколько непередаваемо волшебна здесь атмосфера, создаваемая сливающимся свечением синего и красного цветов от вывесок в стиле ретро. Знают только те немногие, кто уже нашел свою пару, в том числе Арчи Эндрюс.

Может, Джагхед не видел всех цветов, зато запах свежееиспеченных бургеров и картошки фри его точно привлекал. Здесь он часто увлекался написанием очередного романа, запивая свою горечь двойной порцией кофе, не разбавленного совсем ничем. Так было вдвойне горько.

Так он восполнял недостаток черного.

Но однажды все вывернулось наизнанку. За его столик присела девушка с дружелюбной белоснежной улыбкой – уж это он точно видел, но взгляд выше ее губ он почему-то не поднял. Не происходило ровным счетом ничего, пока взгляд Джагхеда был прикован к своему ноутбуку. Не происходило ничего, до того момента, пока она не заговорила:

– Привет, меня зовут Бетти, – устав ждать, произнесла Бетти, и от такой внезапности он едва не вздрогнул. Голос девушки был мелодичным и приторно-сладким, но впервые такой переизбыток сахара его не насторожил.

– Джагхед, – представился юноша холодным безразличным тоном, скрывая от Бетти и то, что она его умудрилась заинтересовать, и то, что он боялся посмотреть на нее, – ты что-то хотела?

– А-а, я, да-а, ты сидел один, такой грустный, и я п-подумала, что могла бы... – запинаясь, выдавила блондинка, неуверенность в ее сердце разрасталась с каждой секундой.

Девушка пыталась разглядеть парня получше, но с такого ракурса его глаз было совсем не видно. Джагхед точно нарочито скрывал от нее радужки своих глаз, а любопытство внутри нее стало неимоверно сильным. Какая-то львиная доля Бетти была точно уверена, что его глаза окажутся такими же черно-белыми, как и у многих других парней, но та малая часть надежды внутри молила ее все-таки проверить.

Она точно была уверена, что присела за этот столик только лишь для того, чтобы немного приподнять настроение этого угнетенного парня, хотя раньше Бетти такого не испытывала по отношению к другим людям.

Цвет волос Джагхеда отлично угадывался, ведь именно такой она могла различать помимо черного, белого и синего. Дымчато-черные с легким синеватым переливом локоны выглядывали из-под шапки, причудливо спадая на его глаза, и в Бетти разгорелось непередаваемо сильное непреодолимое желание убрать мешающую прядку, но это, очевидно, со стороны выглядело бы глупо.

Молчание введенной в раздумья Бетти заставило Джагхеда все-таки взглянуть на девушку, потому что он не любил, когда его намеренно игнорируют.

Раз. Изумрудно-зеленый цвет цветущей летней зелени встречается с небесно-голубым, подернутым аквамариновой дымкой. Цвета смешиваются и происходит тот самый взрыв фейерверков, и если кому-то для такого космического эффекта требовался поцелуй, – им было достаточно одного взгляда.

Два. Элизабет увидела, как все стремительно обретало краски. Солнце за окнами стало такого же ярко-бананового цвета. Деревья больше не были черными, и сердце забило барабанной дробью в ушах, а глаза напротив показались намного ярче. У Джагхеда закружилась голова от этого пьянящего восторга и страха, липкой прохладной струйкой протекающего вдоль позвоночника. Перед глазами больше не рябил белый с примесью зеленого, и парень с радостью обнаружил, что синие и красные цвета в кафе ему воистину нравятся.

Три. Они наконец видят всю сказочно огромную палитру цветов, огромный ассортимент оттенков и красочных переливов. Мир в их блестящих от восторга глазах закружился мириадами цветов и красок, словно фениксом восстав из пепла страданий. Родственные души нашли друг друга.

Поцелуй им не потребовался. Стало быть, какое-то чудесное исключение совершила судьба.

– Вау, – произнес парень, тяжело вздохнув, теперь на его лице играла улыбка. Раньше Джагхед никогда не улыбался.

– Вау, – почти параллельно вторил ему голос девушки, настолько же восхищенной, как и он сам. Ей пришлось напомнить себе, что нужно дышать. Это чувство захватило Бетти с головой, пленяя.

Это было обыкновенной системой. Все по той же постоянной схеме, если не учесть, что эффект был произведен гораздо более простым путем. Спросите, как сделать из кого-то безвольную куклу, обреченную подчиняться тебе? Сначала даруйте ему нечто ценное, что будет дороже любых алмазов. А потом между делом, ненавязчиво, между строк возвратите, добавив в качестве любимой карамельной конфетки какой-нибудь приятный

бонус.

Так получилось, что если бы Бетти и Джагхед сейчас брезгливо отвергли друг друга, с отвращением помахав на прощанье ручкой, – никаких красок им больше не пришлось бы увидеть. Но с этого взгляда началась их чудесная история, и по какой-то счастливой случайности оба почувствовали искру, пробежавшую по телам обоих при встрече взглядов.

Теперь они навсегда останутся художниками своей жизни.

Судьба, равнодушно рисующая на витражном холсте жизни, утопая в бесчисленном количестве набросков и эскизов, вновь пролила *акварель*, навсегда сплетая жизни Бетти и Джагхеда радужными нитями. Не уследила и без собственного желания, сама о том не догадываясь, создала произведение искусства.

Удачно пролила акварель.

Примечание к части **AU** с незаменимыми составляющими одного сложного механизма: пылающие лимонным огненные шары, бесконечно-темные просторы манящего космоса и парень-мечтатель с трепетно-нежной улыбкой и разбитым сердцем.

Всем волшебства, да побольше.

(>ω<) : ∴: '★, ∴: '☆

Созвездия.

«Над головой созвездия мигают.

И руки сами тянутся

К огню...

Как страшно мне, что люди привыкают,

Открыв глаза, не удивляться дню.»

Она – его самая желанная звезда, затерявшаяся на ночном небе уже давным давно.

Он искал её.

Джагхед любил лежать ночью на сырой после дождя свежескошенной траве, покрытой многочисленными прозрачными каплями росы, похожими на маленькие блестящие бусинки, красиво отражающие звездное мерцание. Закладывал руки за голову, в качестве подушки; вдыхал природные ароматы свежести леса с многочисленными примесями запахов хвои и шишек, мха и влажной почвы, легкой прохлады и спокойствия; с блаженной улыбкой разглядывал небесное покрывало различных оттенков синего и черного, усыпанного мириадами самых различных, совершенно непохожих и обязательно по-своему особенных звезд. Одни находились ему блеклыми и тусклыми, почти незаметными, а другие яркими и крупными, тут же бросающимися в глаза, словно драгоценные алмазы.

День ассоциировался у Джагхеда с ложью, глупым искажением реальности, ведь голубое небо – обман зрения, на самом деле ничего голубого в нем и вовсе нет. Ночь ассоциировалась у него с правдой, манящей бесконечностью и тревожной загадочностью, словно жгущая кипящая лава распределяющейся по телу, растапливая неподатливую хрустящую корочку прозрачного льда на коже, покрытую кружевным снежным узором. Такое пристрастие было каким-то болезненно-сильным, и со временем он нуждался в звездах ровно настолько же, насколько наркоман нуждается в дозе, а диабетик в запретной сладости. Звезды стали нужнее воздуха, и он бы с радостью отдал свой последний вдох за секунды наслаждения этой невероятной красотой.

Кто-то словно макнул кисточку в мерцающую белую краску и одним легким движением щедро рассыпал по скучной пустой маслянисто-аквамариновой картине эти светящиеся жемчужины, но совершенно точно с каким-то неведомым умыслом. Шутка судьбы в том, что звезды кажутся недостижимыми и прекрасными, далекими и фантастически

волшебными, но на самом деле являются опасными и убивающими, не давая сделать даже легкого касания.

Джагхед с радостью отдал бы все ради этого касания. Пусть оно и убьет его.

На его собственном лице была россыпь родинок, которые Элизабет когда-то пыталась соединить в созвездия, находя в этом известный одной только ей смысл, но она так и не нашла разгадку, бесследно пропав, растворившись как мираж, оставив ему лишь обрывки воспоминаний и фраз, периодически всплывающих в голове, напоминая о жестокой правде. С тех пор любовь к звездам появилась и у него.

Джагхед знал каждое из этих созвездий, от «а» до «я». Знал так же хорошо, как и Элизабет, запечатленную и навеки выжженную в памяти миллионами отчетливых фотографий. Всего на небе насчитывалось восемьдесят восемь созвездий, и он находил забавным, что оба числа, по сути, в перевоороте символизируют бесконечность.

Его любимое созвездие – Пегас. Иногда он даже с филигранной аккуратностью вырисовывал его пальцем на небе, зажмурив один глаз, чтобы не потеряться в вихре мигающих огненных шаров, обжигающе-пестрых, до такой же прерывистой боли в глазах.

В его представлении ночное небо – то, к чему действительно стоит стремиться. Именно там, где-то далеко, за гранью представления таятся самые важные неразгаданные тайны. Где-то там, далеко, своим ходом идет эволюция; сталкиваются галактики; образуются планеты и черные дыры; на далеких планетах кипит жизнь. Но юноша бесконечно теряется в манящем млечном пути, нарочито разлитом на просторах бескрайнего космоса переливающейся массой самых разных цветов.

Ночное небо – бесконечно, безгранично, у него нет очертаний, нет рамок, конца и начала, только звезды мерцают своим холодным светом, приковывая восторженные взгляды даже черствых и скупых на чувства людей.

Там он видел свою музу, свое вдохновение, свою Элизабет...

Джагхед представлял себя астрономом, пытающимся когда-нибудь отыскать свою потерянную звезду, к которой уже с восхищением приписывал милыми завитушками «Принцесса», и мысли о ней превращались в строки захватывающих романов, заканчивающихся, к сожалению, так же печально, как и его собственная история.

Джагхед стал Маленьким Принцем, безнадежно скитающимся по цветущей топазами вечности в поисках своей Принцессы...

Наверное, такое пристрастие и мания к далекому космосу отдаляли его от друзей, но парень был не прочь пойти на такие жертвы *ради встречи с ней*.

Ради встречи с Элизабет. Он искал ее постоянно. Джагхед был уверен, что Элизабет ждала его где-то там, среди звезд, и как маленький наивный мальчишка каждую ночь дарил небу трепетные взгляды с волнительными огоньками; дарил Элизабет свою

искренне честную, умопомрачительно красивую улыбку. Джагхед ждал их встречи как верный пес, честно и верно полюбивший хозяина, давно оставившего его одного. С той же щенячей наивностью он верил, что хозяин не покинул его. Хозяин еще вернется.

Элизабет еще вернется.

Она – его самая желанная звезда, затерявшаяся на ночном небе уже давным давно.

Он искал её.

Так и не нашёл.

Выставляю себя на расстрел вместе с этой работой.

Тепло.

Каждую клеточку тела девушки неприятно покалывало, словно тысячи иголок вонзались глубже под кожу, пропуская жуткий холод, промораживающий каждую ее косточку насквозь. От пощипывающего холода, который временами больше переходил в странное несвойственное ему обжигающее чувство, челюсть Лисицы уже скрипела, а ноги становились тяжелыми и неподъемными, словно налитые свинцом. Это чувство появилось у Шерил с самого ее рождения, постоянно преследуя и не давая жить спокойно. Чувство лишь обострилось в тысячи раз, когда она совершила самый отчаянный в своей жизни шаг, для чего-то поддавшись, послушав внутренний голос, такой терзающий и просивший покончить со всем этим хаосом, зачеркнув всю историю на исписанных листах, присоединиться к любимому сахарному мальчику Джей-Джею.

Шерил была разбитой на мелкие кусочки, какие уже не собрать в прежнюю каритину даже самому искусному мастеру. В системе произошёл какой-то сбой. *Ошибка.* Шерил не может быть печальной. Шерил как лиса: хитрая, сильная, бойкая и самостоятельная, не нуждающаяся в чужой лестной поддержке, сама по себе. Никак не раздосадованная.

Красный – как способ подчеркнуть свою силу, власть и красоту. Вишнево-красная матовая помада; длинные густые рыжие волосы с огненным отливом, красиво спадающие на тонкие плечи; красное платье в пол. Красная роза в поле ромашек – прекрасная, но чужая. Шерил – огонь. Жизнь, сила и энергия. Она не хотела быть стервой, Лисичка просто хотела привлечь внимание, быть нужной; хотела подавить в себе слабость. Младшую Блоссом любили и ненавидели, восхваляли и презирали, *ею гордились*. Но многие с абсолютной уверенностью могли сказать, что без нее Ривердейл потерял бы свои краски, превращаясь в обычный скучный черно-белый городок, со старой пленки никому не интересных фильмов. Всё шло своим чередом.

Так было когда-то. Пока жизнь не свергла Королеву с трона.

Пока Шерил не сломалась.

Она была сильной, когда Джейсон находился рядом, принимая на себя нужную ей роль опоры, поддержки; она была сильной и тогда, когда брат отвернулся от нее, уходя к горячо любимой Полли Купер. Но она безнадежно сломалась, разбилась как антикварная хрупкая фарфоровая ваза, встретившаяся с твердой поверхностью паркета, когда судьба обрушила на нее новый, самый болезненный удар, прямо в сердце, грубо, резко и беспощадно, терзающей резью под дых – смерть Джей-Джея, сахарного мальчика, которого она любила больше всего на свете.

Шерил помнила всё: отрезвляющий обоих удар ее ладони о бледную глянцевую кожу парня, моментально возвращающий в реальность, и тем не менее не мешающий ей продолжить колотить своими маленькими ручонками, сжатыми в кулачки по его груди,

закрывая глаза на убитый потрепанный жизнью вид Джагхеда. Она помнила, как извинилась перед ним, чувствуя укол совести; чувствуя себя последней дрянью. Помнила, как сделала шаг навстречу неизвестности, опьяненная безумным желанием вновь увидеть своего сахарного мальчика. И помнила, какое яркое пламя окутывало её дом, поднимая в небо огромные кучерявые черные клубы едкого дыма, красящего синее небо оттенка индиго в беспросветный черный, дарующий лишь боль и страдания. Ни на секунду она не пожалела о содеянном – Шерил с замороженным взглядом горящих счастьем глаз и восхищенной улыбкой на губах, идеально подведенных вишнево-красной помадой, четко по контурам, с безупречной точностью, сравнимой только с уровнем популярных глянцевого журналов, наблюдала за захватывающим зрелищем, греющим заледеневшую от бесконечного льда душу.

Но сама Шерил не была холодным механизмом, она лишь старательно прятала свои чувства, в самый темный уголок души: ни дай Бог кто откапает. Это стало ее неотъемлемой частью – прятать от окружающих свою боль, старательно и как можно дальше, одновременно позволяя холодному ветру пробираться цепкими лапами в ее пустую душу, оставляя длинные кровоточающие пощипывающие отметины, как дикий зверь.

Она запуталась в этой филигранной паутине таких же мерцающих белых пут жизни, потерялась среди бесконечных звезд и не может найти верный путь. Она хочет выбраться из этой ловушки, хочет вдохнуть глоток свежего воздуха, аромат которого она уже успела забыть, и это желание убивает ее.

Раньше вокруг нее был купол, так старательно абстрагировавший от любых нежелательных эмоций. Раньше только холодное равнодушие и сталь. Сейчас боль, ненависть и обида. Это ее новый мир, создателем которого стал парень с навсегда глубоко засевшим в сердце именем – Джейсон. Ее собственное солнце, впредь не греющее, убивающее. И создал он этот мир, даже не находясь где-нибудь рядом, напротив, глаза в глаза. Создал, уходя оставив ее одну в этом дурацком городе, названия которого всего через сотню лет, очевидно, никто и не вспомнит.

Шерил давно не понимает, что с ней происходит, просто проваливается в бездонную клоаку болезненных чувств и кленового сиропа, клеймо которого преследовало ее всюду, захлебываясь в сонмище своих собственных полярных эмоций вперемешку с солоноватым вкусом слез на губах, мутной пеленой застилающих глаза, перекрывающих доступ к кислороду. Задыхается кислородом в агонии в этом прогнившем выхлопными газами и людской ложью городке, не прося о помощи, с гордым молчанием.

Шерил просто снова хочет почувствовать себя живой.

Жизнь Джагхеда стала черно-белого цвета. Мир плыл, как картинка в старом, почти сломавшемся телевизоре, мигающая непонятными узорами и сопровождающая режущее глаза смешение красок еще и душераздирающе противным шипением. В его душе с цепей рвались демоны, желая разорвать парня на мелкие кусочки. И по телу вечно пробегался

противный зуд, от которого хотелось царапать до мяса и крови, лишь бы заглушить моральную боль физической, но даже это бы не помогло.

Чувства сменяют друг друга, постоянно добавляя течению новую температуру, и Джагхед не успевает за ними. Это его убивает. Долго, мучительно и жестоко. Но он не сопротивляется, добровольно подписывая себе смертный договор.

Может, вот так и сходят с ума? Когда испытывают одни и те же наскучившие чувства. Когда бегают по бесконечному замкнутому кругу, снова и снова возвращаясь к точке начала. Когда испытывают уже знакомую цепочку чувств: страх, возвышенность и снова поражение. Если так, *Джагхед давно сумасшедший.*

После недавних событий, так подло и надоедливо пробравшихся в его жизнь, наводя сумасшедший беспорядок, парень замкнул свою темную душу на замок, ключ к которой потерялся без надежды найтись. Империя внутри него превратилась в пыль, Рим пал, айсберг столкнулся с Титаником.

Джагхеда душит это непонимание, ненависть и злость. Злость на себя, на всё вокруг. Жизнь втаптывает его в землю, мешает с грязью, растаптывает и забирает, вырывает с корнем его последние оставшиеся силы, за которые он так кропотливо и бережно пытался ухватиться все это время, день за днем, постепенно возвращая к себе по крупицам. Но вот у него не осталось ничего. Совсем. Пусто. И компенсировать совсем нечем.

Джагхед забыл, кто он. Забыл, для чего всё было нужно.

Он всё забыл.

Джагхед забыл, что такое любовь и разливающееся по телу тепло, начинающееся где-то в области солнечного сплетения и проходящее до самых кончиков пальцев, когда Элизабет касалась его губ своими. Ему почему-то вдруг стало плевать. На все плевать.

Чувство разложения во всем теле и новая затяжка ядовитым химозным сигаретным дымом, однажды разрушающим его легкие, но Джагхед точно был уверен, что до того момента он даже не доживет. И парень постоянно забывал делать новый глоток воздуха, он почти захлебывался не только от отсутствия воздуха, но и от всей этой лжи, сопровождающей его на каждом шагу.

Джагхеду уже просто плевать, почувствует ли он себя живым.

Она потерялась в мыслях, когда однажды ночью сидела за барной стойкой в забегаловке «Pop's», уже предварительно сделав не один глоток обжигающего виски, которое вновь и вновь глотала лишь ради греющего изнутри чувства, через мгновение тут же бесследно исчезавшего, словно прося добавки. Обычно в это время здесь не было ни единой души, и Шерил было абсолютно плевать на реакцию матери, когда она заявится утром в свой

новый дом, кажущийся маленьким и слишком кукольным после бывшего «дворца», что имела ее семья, а на лице Шерил окажутся мутные расплывчатые полосы серо-черного цвета от потекшей туши. Ей было бы совсем не стыдно ни за одну из пролитых слез – когда никого нет, Шерил может позволить себе так тщательно заштрихованную для остальных, чтобы не разобрали, роскошь, как слабость. Главное – вовремя натянуть маску из стали и холода. Главное – успеть.

Но этой ночью забегаловку решил навестить и бродяга Джагхед – уличный пес, которого теперь совсем не колышет, какого мнения о нем когда-то любимая Элизабет Купер. На парне теперь не было никакой шапки, лишь хаотично падающие на лицо пряди чёрных волос; вальяжно зажатая меж зубов с правой стороны уголка рта зубочистка, периодически покусываемая; кожаная куртка с нашивкой на спине, обозначающая, что Джагхед присоединился к «отбросам общества, слиткам грязи и мусора», как считали слишком правильные особы. Под пронизывающими синими глазами залегли темные сливовые круги, никогда не покидающие парня, вот только сегодня были особенно заметны, выделяясь при тусклом свечении неоновых красных и синих вывесок.

– Многовато ты выпила, Шерил-Бомбочка, – раздаётся откуда-то издалека, над ее ушами, но точно за плотной занавесой из воды.

Низкий хриплый тембр с металлическим искажением проходит по ее позвоночнику вибрацией, убаюкивающим приятным холодком, немного подорвав грани между реальностью и забвением. Сначала она не хочет поддаваться, но когда слегка шершавая кожа теплой ладони касается ее запястья, с губ девушки слетает едва слышный томный стон, растворившийся тихим шепотом в стенах забегаловки, едва различимой горчинкой оставшийся на кончике ее языка.

Шерил, восторгнувшись, открывает глаза из-за переизбытка холода, почему-то намного более сильного, чем ее собственный. Пока она смотрела на Джагхеда, в воздухе витало тысячивольтное напряжение, просачивающееся глубоко под кожу и вызывающее неприятную дрожь от многочисленных мурашек.

Взгляд идеальной девушки тире Принцессы и когда-то в прошлом Королевы Лисичек встретился со взглядом одинокого бродячего пса, на словах «не нуждающегося» в поддержке, как и она сама. На Шерил как всегда красное, не изменяя своих принципов, не предавая любимый цвет, любовь к которому она скорее принимала, как данность, по инерции, словно врожденный рефлекс. Так же сильно, как любить красный, она могла только его ненавидеть, но изменять принципам не могла. А потому всегда только диетические салаты, от которых ее временами тошнит, и вишневый молочный коктейль, чтобы хоть немного восполнить ту сладость, какую она чувствовала, когда Джей-Джей был рядом.

Легкое красное платье с красивым воздушным низом и обязательно вишенка на торте – брошь в виде паука, точная копия той, какую она, испытав угрызения совести и прилив слабости, когда-то отдала Джагхеду, как обычно с саркастичной напутствующей речью, прикрыв всю свою боль. И хоть эта боль заполняла ее доверху, просачиваясь наружу, никто так и не заметил, вплоть до момента, пока она не отправила сообщение на номер Бетти Купер, все так же пытаясь загладить свои мелкие грешки, чтобы по крайней мере

когда она встретится с Джейсоном, остальные не считали себя виноватыми. В этом городе и так слишком много загадок, незачем создавать еще одну.

Жуткий жар разлился по ее телу, концентрируясь в голове, дышать стало невыносимо сложно и больно. Калейдоскоп красок перемешался в ее глазах, как в тумане, за призрачной занавесой, а напротив Джагхед – парень, который вызывает сразу бесчисленное количество эмоций, апогеем которых является, почему-то, жалость. Такая же, как к маленькому щенку, потерявшемуся и попавшему под дождь.

И хоть его взгляд был тяжелым, затравленным, холодным и острым, как лезвие, она находила в Джагхеде такую же отчаявшуюся душу. словно зеркальное отражение себя самой. Такие чувства были новыми и необъяснимыми, и возможно наутро она обвинит во всем немалое количество алкоголя, сейчас такая встреча казалась ей правильной.

– Насколько холодно? – коротко спрашивает Джагхед, кажется точно зная все ее чувства до единого, как свои собственные.

Фраза без остановки прокручивается в ее голове, теряет свой первоначальный смысл, становится бессмысленным набором букв и теряется, отдаваясь гулким эхом в стенах заведения. Слова казались миражом воспаленного мозга, самой бессмысленной чушью, но она знала, что не сходит с ума. Джагхед Джонс действительно задал ей вопрос.

– Примерно так же, как в тот день, когда я шагнула в Свитуотер, – отвечает девушка, стараясь вложить во фразу как можно больше яда, но не получается, голос предательски подрагивает. И Шерил совсем не кажутся воспоминания о том дне ненужными. Тогда она добилась того, чего хотела. Увидела Джейсона. Это стало апогеем ее самых страшных кошмаров.

Джагхед не ответил, только спокойно снял с себя кожаную куртку и накинул на хрупкие плечики Шерил. Он не спросил. Просто знал, каков этот холод. Просто знал, что если ей так же холодно – спрашивать бессмысленно. Такой холод неизлечим, и вопросы – ненужная трата времени.

Кожанка пропахла едким химозным сигаретным дымом, свежестью зимнего холода и мылом. Она делает вдох. Затем выдох. Ей спокойно. В кои-то веки Шерил не чувствует себя потерянной и ненужной.

– Спасибо, – без лишних слов, которые бы она не смогла выдать даже под жестокой пыткой. С наигранной фальсифицированной улыбкой, как всегда. Но с горящими искренностью глазами.

И Джагхеду вполне достаточно. Завороженно наблюдать за ее бумажно-белым лицом и за тем, как она временами прикусывает нижнюю губу – его постоянная участь, которой он даже не пытается противиться. Шерил следила за каждым его жестом и взглядом, временами отводя глаза, когда их взгляды вдруг встречались, и ее губы непроизвольно расползались в едва заметной улыбке, от которой у него внутри все приятно сжималось, и парень почему-то не мог этого исправить. Иногда девушке казалось, что она утопает в собственной бездне; совсем немного, и от этого холода стены покроются кромкой льда,

непременно солоноватого на вкус и кристально чистого. Но она неминуемо таяла под его взглядом, не в силах сдерживать желание снова мимоходом взглянуть. Еще раз. Всего один. *Этот точно последний.*

До боли и крови прикушенная губа слишком рьяно развеивает иллюзорное желание. Они – диссонанс. Несочетаемое, параллельное и совершенно разное. Все ведь знают, что параллелям никогда не суждено пересечься. Но так же любому известно, что противоположное притягивается.

– Джагги, – слетает с губ, без её на то воли, и она точно помнит, что изначально слово в полном наборе букв составляло «Джагхед», но эти недостающие буквы вдруг где-то потерялись, – тебе тоже холодно?

И он улыбается. Загадочно и невероятно живописно, точно украл улыбку у какого-нибудь парня с обложки дорогого глянцевого журнала, какие ежедневно рябили у нее в глазах яркими красками. Джагхед не отвечает. Он просто накрывает ее холодную ладонь своей теплой, наверное мысленно списывая такой жест на то, что не хочет отвечать на вопрос.

И от такого легкого касания по телу проходится сладкое тепло, которое он так ненавязчиво щедро ей подарил. И Шерил не убирает руку. Переплетает их пальцы, желая почувствовать это тепло сильнее,
лучше прочувствовать Джагхеда. Схожие чувства когда-то вызывал у нее её сладкий мальчик. И Джагхед заполняет эту пустоту, забирает с холодом всю ее боль.

Дальше все как во сне, так же неясно и расплывчато. Небо у горизонта становится пунцовым, красит верхушки леса в огненно-красный с бархатистым нежным отливом. Красочный рассвет, холодный зимний воздух и снег, и эта природная панорама действует успокаивающе. Наутро она не вспомнит их короткий разговор, не вспомнит нежные трепетные взгляды, которые он успел ей подарить, не вспомнит ничего.

Лишь снова вдохнет сигаретный запах с примесью зимней свежести и мыла, который пропитал ее одежду. Сладко улыбнется и зевнет, встречая новый день, уже без боли.

Шерил наконец стало тепло.

Шерил наконец почувствовала себя живой.

Глоток свежего воздуха даровал ей парень-бродяга с красивыми стеклянно-голубыми блестящими глазами и милой улыбкой. И она больше никогда не будет мерзнуть от вечного холода. Ей будет тепло. Глоток свежего воздуха подарил Шерил Джагхед.

Она этого не вспомнит.

Зато навсегда запомнит Джагхед.

Джагхеду больше не придется напоминать себе дышать, он снова почувствовал себя живым, на что даже не смел надеяться. И ему лишь стало холоднее, когда он забрал у Шерил ее лед и боль. Ему совершенно точно плевать, ведь Шерил так же на мгновение

напомнила ему, что такое разливающееся по телу тепло, берущее начало где-то в районе солнечного сплетения и разливающееся до самых кончиков пальцев. Он больше никогда не надеялся это почувствовать, но Шерил удалось.

Она не вспомнит ту ночь.

Зато навсегда запомнит Джагхед.

Письма.

Книги пахнут типографской краской и запахом переплетного клея, целлюлоза и в меньшем количестве лигнина; книги пахнут воспоминаниями и улыбками, восторженными вскриками и холодными слезами, летним дождливыми вечерами с кружкой горячего шоколада и холодными зимними ночами под куполом одеяла, с мерцающим фонариком в темноте.

Арчи любил теряться в сказочном мире печатных творений, выуживая абсолютно из каждой мелочи, из каждой строки и предложения свой особенный, счастливый момент. Со временем буквы стали плясать у него перед глазами постоянно, от этого кружилась голова, а мысли путались, словно клубок нитей. Арчи навсегда так и остался связанным незримыми путами с бумажками, рябщими бесчисленным количеством символов, иногда становившихся от переизбытка непонятными и бессмысленными.

Каждый день Арчи Эндрюсу приходилось теряться в вихре из писем и конвертов, которые окружали его постоянно, не желали отпускать и вцеплялись крепкой хваткой, когтями под оливковую кожу. От отсутствия бумажек глянцево-нежной текстуры у него появлялась острая зависимость, болезненная нехватка и непосильная, нерушимая потребность, проще всего именуемая ломкой, почти как у наркомана, от правды не далеко ушло. На его рабочем столе всегда царил беспорядок из кипы бумажек, измазанных чернилами и перечеркнутыми строками так и не завершенных текстов. А где-то в углу комнаты, возле ведра для испорченной бумаги смиренно лежали свернутые в клубочки строки стихов, которые он писал ночами; которые он посвящал Веронике.

Арчи подкладывал письма в ящик девушки каждый день, надеясь, что та однажды обратит на парня свое драгоценное внимание, которое он точно оберегал бы в своем сердце еще долгое время. По какому-то смешному стечению обстоятельств, страсть к написанию строк песен переросла в несносное желание писать стихи. Иногда буквы никак не хотели складываться в нужное ему сочетание, плывущими черными завитками плывущие по белесой тонкой поверхности, точно по воде. А иногда выходило что-то действительно достойное, за что, он уверен, Элизабет Купер когда-то отдала бы все, что имела.

Парень, кажется, не мог разобраться в собственных чувствах, вечно мечась от одной девушки к другой, что рисовало на его имени довольно печальную репутацию. Так было ровно до того момента, пока Арчи не понял, что безнадежно влюблен, по-настоящему.

Всеми обожаемый Арчи, всеобщая гордость и любовь, воплощение «героизма», каким званием его бездумно оклеймили, с чем он отчаянно не был согласен, влюбился в Веронику Лодж – по его мнению, главную героиню этого романа, под названием «Жизнь».

Это так же связывало парня со своим лучшим другом Джагхедом, который так же окончательно и бесповоротно был влюблен в написание статей, романов, и прочих

писательских любимчиков.

Сегодня кружка горячего Эспresso в очередной раз стояла на своем законном месте – на одной из бумаг, исписанных причудливыми закорючками, выведение которых Арчи давным давно довел до мастерства, бесспорного профессионализма. Как и положено, по негласной традиции та оставляла на ванильно-бежевой кремовой пергаментной поверхности бумаги немного расплывчатый по контурам круг темного кофейного цвета. Арчи с увлечением выводил новые символы, постоянно недовольно перечеркивая, и порой в порыве гнева вновь сминал клочки бумаги, швыряя в непонятном направлении, ни разу так и не попав в нужное место.

Сегодня Арчи в очередной раз по привычке писал небольшое послание для своей бесподобной Принцессы Вероники. Кончик карандаша постоянно подвергался повреждениям благодаря изведенному Арчи, которому от неимения желанного вдохновения в беспокойной душе только и оставалось, что грызть карандаш, хоть немного тем самым себя успокаивая. И где-то среди очередной бессонной ночи, после которой под его глазами вновь расцветут серовато-фиалковые синяки, он наконец дописал последнюю строку. Ему просто необходимо было дописывать эти отрывки, стоящие крови и пота в вечных съедающих его чувствах. Каждый новый кусочек был связан с предыдущим, подобно деталям пазла, и чтобы подобрать идеально сочетающуюся с остальными фразу, парню требовалось действительно много времени.

*[Твои глаза мне освещают мрачный день.
Твой голос мелодичной дрожью тает.
Твои уста ванилью манят мой покой.
И сердце разбивают мне на вихри origami.]*

Арчи пока не знал, что именно это письмо в недалеком будущем изменит его жизнь навсегда, и парень наконец обретет то, чего ищет. Пока что все тридцать три буквы алфавита беспорядочным вкраплением мигали у него на внутренней стороне век.

Каждый день Вероника находила для себя только одно счастье, заставляющее восхищенную улыбку проявиться на ее губах, освещая скучную панораму из дымчато-серых цветов, словно яркое солнце, дарящее жизнь и потерянные цвета.

Этим счастьем были письма, которые она с неподдельным восхищением доставала из своего ящика среди кучи учебников день ото дня. Каждое дарило ей особенную эмоцию и имело свой неповторимый вкус. Какие-то послевкусием напоминали легкие воздушные зефирные конфеты, приятно тающие во рту от температуры тела, еще надолго оставляющие привкус ванили. Какие-то были сравнимы своей сладостной мятной горчинкой с темным шоколадом, приятно отдающим слабой тяжестью. А некоторые были похожи на тягучую карамель, еще долго остающуюся ощутимым осадком на душе, тревожным и незабываемым.

В любом случае, каждое из этих небольших творений несло в себе особенный смысл, как и сладкое: трудноперевариваемый и все же чудесный, возвышающий к небесам. Эти

послания – единственная сладость, какой Вероника без раздумий баловала себя каждый день. И подобно угрызениям совести за недавно съеденный кусочек торта, Вероника терзала себя мыслями о том, кто может оказаться ее тайным воздыхателем, от писем которого ее коленки подкашивались, а тело бросало в дрожь.

Именно сегодня девушка решила не смотря ни на что разузнать, кто же он, человек, через строки похитивший ее сердце, без остатка. Поэтому впервые Вероника пришла в школу ни свет, ни заря, пытаясь высчитать идеальный момент, когда предположительно могла происходить эта нехитрая махинация.

Девушка спряталась за углом и выжидала, надеясь только, что тот самый человек не пойдет по тому коридору, где ее можно с легкостью заметить. Где-то в промежутке между семью и семью десятью по коридору раздался едва слышный шорох его кроссовок о каменный пол. И когда Вероника взглянула проверить, куда направляется этот человек, который мог оказаться абсолютно кем угодно, начиная от уборщика и заканчивая директором школы, она заметила не на шутку любопытную картинку: кареглазый мальчишка с каштаново-рыжими волосами, с осторожностью оглядывающийся по сторонам, с виноватым лицом притаился в районе шкафчиков, близких к ее собственному.

Она по-началу решила не выдавать своего присутствия и убедиться наверняка, но когда тот одним только движением открыл дверцу ее шкафчика, который как и все остальные не отличался особой гарантией в сохранности вещей, из-за чего ученики предпочитали не оставлять ничего, кроме самых обыкновенных школьных учебников, все ее сомнения были мигом развеяны вместе с тяжелым углекислым выдохом.

– Арчи? – от такой внезапности парень поёжился, он совершенно точно не ожидал, что кто-то придет в школу так рано и застанет его за странным занятием, – вот уж не ожидала, что это окажешься именно ты, – произнесла девушка, сложив руки на груди. На ее лице играла какая-то победная улыбка, точно она наконец победила в соревновании, в котором долгое время приходилось получать лишь разочаровывающее второе место.

– Черт, – на выдохе расстроено пробубнил Арчи, внутри уже вскипая от ее волшебного взгляда, окрашивающего его щеки в легкий пунцово-багряный тон, – вот я и попался.

– Ты серьезно написал все эти стихи? – спросила Вероника, уже в мыслях визжа от счастья, и когда она дождалась одобрительно кивания, добавила, – это волшебно, Арчи!!

– Правда? – спросил парень с видом, словно гордился собой, и одновременно корил за такой провал. Словно нашкодивший мальчишка, не признающий свою пакость.

– Ты шутишь? – она сделала шаг ближе, и между ними осталось совсем незначительное расстояние, – ты сделал мою жизнь в тысячи раз прекраснее, – произнесла она и заключила Арчи в объятия, отчего он на мгновение вздрогнул, удивленно глядя на нее, но потом ответил на жест благодарности.

– Значит, ты теперь... – начал он, желая спросить, отвернется ли она от него, но Вероника была предусмотрительней.

– *Ты тоже мне нравишься.*

С этих слов жизнь поэта заиграла новыми красками. С этих слов Принцесса стала самой счастливой девушкой в городе. С этих слов начался новый прекрасный роман с захватывающим сюжетом.

Главной героиней которого неизменно оставалась Вероника Лодж.

Примечание к части Простите аффтора за столь глупо и бессовестно испортившего Джеронику. Чистой воды эксперимент, клянусь, больше так не буду...

Яд.

Вероника Лодж – это ядовитый идиолатричный надменный взгляд, едкий прожигающе-холодный и по-своему прекрасный, блокирующий любые грубые гнусные слова поперек ее концепции, преисполненный чопорностью и лабильной апатией. Это дорогая оригинальная одежда от известных брендов вроде «Версаче», «Dolce&Gabbana», «Lacoste», «Chanel», «Prada» или «Dior», сидящая на ней так, точно на нее и шили, бесподобно и непременно идеально. Это сливового цвета темно-пурпуровая матовая помада, выведенная педантично аккуратно по контурам, одновременно так обыденно бросающаяся, но отдающая главное внимание выразительным черным, как два антрацитом горящих уголька, глазам, дотошно красивым и безбожно привлекательным, вызывающим неисправимую экзальтацию.

Вероника Лодж – это яд.

Химозный, мучительный тягостно-горький и одиозный, но действующий на него ровно так же, как эвтаназия или паллиатив против апатии, прострации и невыносимо жгучей агонии, бьющей по нему ледяным ознобом, теперь тающим вместе с самим Джагхедом. Чертова Вероника – подстилка для Арчи – Лодж вызывает у него двоякие, совершенно полярные чувства, и Джагхед теряется в этих двух гребаных стенах, все больше углубляясь в эскапизм, прячась за фальсифицированной улыбкой прекрасного актера.

Он уже не помнит, когда это началось: быть может, месяц назад, а может, с самого рождения. Просто каждый чертов раз, когда уголки губ брюнетки ползут вверх, он замечает это первым, и каждый раз сердце Джонса пропускает несколько ударов, отзываясь где-то там, легким покалыванием под ребрами, запуская в парне необратимый процесс ажитации. Ее волосы абсолютно точно пахли тягучим сахарным медом и уложены были всегда в художественной эстетичной красоте, но Джагхед подмечал это исключительно ради того, чтобы найти хоть один повод для неприязни и, в лучшем случае, ненависти, дабы исправить этот нагло, без спросу возникший в его сердце дефект.

Какое-то дикое маниакальное желание не покидало Джагхеда, и несмотря на всю глупую аффективность, стало бесконечной тошнотворной аддикцией. Сначала вроде бы кажется, что все отлично, после испытываешь какое-то болезненно сильное желание, сродни ломке или обессивной потребности, а после, кажется, неизбежная гибель. И это касается совершенно не наркотиков. Хотя, по правде, она и стала его наркотиком, без излишнего утрирования. Тем не менее, Джонс клялся себе, что однажды придушит сие Божье творение тем жемчужным ожирельем, восхитительно и до боли неправдоподобно украшающим ее тонкую красивую шею.

Когда Лодж стала его самым безумным латентным, но неистово любимым фетишем, от которого напрочь сносит крышу? Пару раз он склонялся к выводу, что все это лишь жалкий побочный эффект инсомнии, ведь любому известно, что при отсутствии сна видишь сны даже наяву, сам того не подозревая. Но это было даже не фантасмагорией,

рисующей в его больном поколебленном годами сознании апокрифичные странные образы. Это было и не фрустрацией, сводящей всё его кредо по отношению к таким безмозглым куклам «Барби» на нет. На самом деле то было лишь примитивной зависимостью, прежде не пробужденной ни милашкой тире идеальной пай-девочкой Купер, ни кем-либо еще уж тем более.

Но он не давился ею, словно диабетик, добравшийся наконец до запретных сладостей. Смаковал. Не форсировал. Каждый эфемерный взгляд, брошенный в его сторону чисто из случайности; каждое сингулярное касание, пробуждающее в нем пугающие доселе незнакомые чувства; каждое опрометчивое слово, брошенное между строк, случайно, будто бы невзначай, но выуженное из фразы и тщательно отфильтрованное в помутненном сознании. Он знал о Лодж всё, каждую мелочь, закрывая глаза даже на акрасию в те моменты, когда клялся себе больше не смотреть в ее сторону, и все же смотрел, ссылаясь на единичность столь аккуратно продуманного поступка. Нет, он смотрел на антураж, не на до неприличия короткое платье глупой стервы Вероники. *Джагхед, мать его, заврался. Заврался себе самому.*

И когда она подходит к нему, создавая эдакую перипетию в сценарии скучной драмы для подростков про слащавые чувства, звезды перед глазами начинают падать, собираясь в сонмище слепящего света.

Звезды, не ее совершенство.

Что угодно. Апогей бредней, венец безумия или же крайняя степень сумасшествия. Лодж – не прекрасная Принцесса из красивых сказок про чувства, и те выдуманные каким-то придурковатым писателем. Он никогда в это не поверит, увольте, любви не существует, существует ложь, хаос и разрушение. Пусть этой куклой давится чертов Эндрюс.

Вероника Лодж – это яд.

Введенный внутривенно, под болезненно-бледную оливковую кожу, в капилляры и артерии, он везде. Разъедает и убивает, запускает необратимый губящий процесс разложения.

Но почему же тогда по телу разливается это сладостно-греющее тепло, затмевающее даже солнечное, когда их взгляды встречаются? Всеми виной теплая погода, бесспорно. И плевать, что на улице ливни. Джонс никогда не поддастся этому чувству. Без всякой там совести навязанный ему обман, дурацкая ложь, клевета и провокация.

Потому что Вероника Лодж – это яд.

Примечание к части Посвящение: **Apple Wight** (◡ ◡)

Просто не бейте, пожалуйста:D

Хотелось бы знать, какие пейринги желаете увидеть в ближайшее время. dark!Багхед, Джерил, или уже наконец попробовать Джеронику?

Роза.

*Я умер в семь утра.
Надо же с чего-то начинать день.*

Это была роза.

Чем пахнут розы? Эти бокаловидные совершенные творения природы пахнут смешением нежных рассветов и ярких звезд со сладкой щепоткой фруктового аромата. Розы пахнут как сочные карамельные персики и спелые кисло-сладкие яблоки. Розы сочетают в себе восхитительную смесь из малинового сиропа и апельсиновых ликерных ноток меда, корицы и ванили.

Для Шерил розы пахнут керосиновым ядом.

Ей хотелось кричать от этого кошмара, растущего бездонной пропастью прямо в груди, под ребрами, в сердце, ломая грудную клетку на осколки, рассыпающиеся в пыль. Кошмар, какого она страшилась на протяжении всей чертовой жизни, для облегчения постоянно подкрашивая губы в ядовито-красный; постоянно кичливо вздергивая подбородок и одаряя своих «подчиненных» взглядом, полным холода и презрения, полным гордости и едкого эгоизма, текущего прямо по венам, с кровью. Она хотела избежать этого сна, крошащего ее на мелкие кристальные алмазовые кусочки, в итоге убегая от себя самой; убегая от неизбежного.

Шерил молилась, повторяла как мантру, каждый свой день: «Кто угодно, но не он, пожалуйста». Единственное, чего она просила у этой беспощадной жизни, но именно это и произошло. Шерил приснился Джагхед – парень, которого она невзлюбила с первого взгляда; с первого слова. Возможно, именно так жизнь и хотела вернуть этой оторве все ее грешки, в полной мере, да еще и с добавкой.

В тройной порции, чтобы давилась.

На ее руке, в месте от локтевого сгиба до запястья, расцвела кремово-белая роза с шипами, символизирующая вкупе её и человека, который по какой-то глупой случайности был назван судьбой ее соулмейтом. Шерил ненавидела белые розы, Шерил упорно утверждала, что это не честно. Здесь должна быть *красная роза* или ничего вовсе.

Мерзкая роза была белого цвета.

Поэтому Вишневая Королева в порыве гнева, бездумно выцарапывает ненавистный ей всем своим существом цветок с руки, оставляя кровоточащие следы на нежной бархатистой коже от своих ногтей, непременно с идеальным маникюром, на который ей вдруг стало плевать. Но тошнотворно-белый цветок появлялся снова и снова, прямо поверх содранной кожи и крови, медленно возрождаясь сначала туманно-прозрачным холодком, а потом и прежними пурпурными красками.

Чертов паинька-Джонс испортил ей жизнь.

И теперь Шерил было уже все равно, пусть эти розы ведут вечную борьбу, появляясь снова и снова, вытесняя друг друга и заполняя каждый миллиметр ее кожи правой руки. Пусть их шипы пустят свой ледяной яд ей под кожу, заражая каждую клеточку, не оставляя шанса найти эвтаназию. Она готова умереть вместе с этой живописью сада из роз на руке. Что угодно, главное не он.

И никакая вакцина ей уже не поможет.

Джагхед и Бетти с самого детства проводили каждый свой день вместе, все больше привязываясь друг к другу. Со временем Джонс влюбился в миловидную блондинку с прекрасной улыбкой, точно у ангела, и он не мог сопротивляться этим чувствам. Когда парень узнал, что его Бетти влюбилась в Арчи, парень отдалился от нее, прикрываясь извечной занятостью, хотя на самом деле ему было попросту больно смотреть на девушку, зная, что шансов больше нет.

В какой-то момент судьба услышала его, и у них с Купер вдруг начали завязываться далеко не дружеские отношения, постепенно становящиеся все более крепкими и чувственными. Если кому-то вдруг потребовалось бы найти самого счастливого парня во вселенной, прохожие смело отвечали: «вам к Джонсу, только учтите, его счастье чересчур заразно, почти как болезнь».

Однажды это самое счастье все-таки превратилось в оную болезнь, бьющую по нему тяжелыми острыми ударами, поражая каждый миллиметр, впоследствии разлагающийся незыблемой болью. Счастье стало венцом всех его самых страшных кошмаров. Больше не дарило свет, лишь заполняло обманом, тоской и безнадёгой доверху, необъятной смесью размерами с целый океан грез, да побольше Атлантического.

Когда одной беззаботной ночью Джонсу приснилась его половинка, он хотел либо посетить психиатрическую, либо проверить себя на наличие наркотических. Сон не мог оказаться реальностью. Зазеркальная иллюзия, искажение правды, мираж, вычитанная из книжек сказка, обыкновенная шутка, но никак не правда, нет.

И тогда Джонс хотел лишь стереть свою память быстрым перечеркиванием «дефект», неразборчиво заштриховать темными чернилами, да побыстрее.

У Джагхеда не было чернил.

Парень ненавидел неизвестно что о себе возомнившую «Шерил-Бомбочку», решающую все свои проблемы одним неизменным набором, в комплект которого всегда входило: лицемерие, ложь, хитрость, непоколебимая власть и прочие изощренные способы, как стать королевой школы.

Парень с радостью бы выпил несколько бокалов обжигающего яда, оставляющего внутри покалывающие язвы, вызывающие смертельное внутреннее кровотечение. Он бы с радостью принял нелицеприятную судьбу людей, отвергших своего соулмейта и с леденящей кровью улыбкой наблюдал за тем, как сонмище распускающихся цветов выпускает отраву ему под кожу, медленно убивая.

А лекарство одно – смириться. Смириться и остаток жизни ловить на себе взгляды, полные отрезвляющей ненависти, подпитываемой постоянным совместным времяпровождением. Это чувство было под корой головного мозга; было введенным внутривенно; было на кончиках пальцев. Оно было везде.

Ненависть.

Приломленный местами свет прожекторов, встречающийся с цветными пестрыми пятнами от диско-шаров; накаляющаяся до предела атмосфера тревоги, лишь сильнее отражающаяся в обеспокоенных взглядах окружающих – та самая школьная вечеринка. Одна незаменимая деталь, без которой, наверняка, вечеринки даже и быть не могло – Шерил Блоссом. Бриллиант среди фальшивых стекляшек, нагло выдаваемых за «драгоценность». Тьма среди теплого света, заставляющая кончики пальцев околеть от жуткого холода. Звезда среди утреннего неба.

Особенная.

Шерил подобрала для этого события кроваво-красное платье в пол, чуть опошленное длинным разрезом, полностью отражающее душу его представительницы, сердце которой от всех этих событий обливалось даже не кровью, а противно-приторным кленовым сиропом, что преследовал ее всюду. Губы как всегда с филигранной аккуратностью подведены помадой, тоном гармонирующей с платьем и туфлями на высокой платформе. А шею украшает блестящая даже без освещения звездная россыпь переливающихся прозрачных камней.

Джагхед Джонс с какой-то несвойственной, непонятной ему учтивостью подмечает, что так ее глаза шоколадно-орехового цвета природы лишь заметнее горят антрацитовым огоньком. Затем, словно давая себе за то пощечину, напоминает, что девушка по-прежнему пахнет неприятным для него смешением сладкой мяты и вишни. Но так же помнит, что без одиозной реакции на этот душистый аромат он наслаждался красотой её волнистых рыжих волос с клубничным переливом, растянув блаженную улыбку в идеально ровном полумесяце.

Голос Арчи Эндрюса, с небывалым совершенством выступающего на сцене и бурные

поддерживающие аплодисменты – как напоминание о том, что Шерил – все та же проблемная дева, вызывающая у него нехилую ненависть, бездарно выжигающая в нем жизнь одним своим существованием.

– Совсем не знаешь, что такое аплодисменты, Джонс? – спрашивает Бомбочка, и ее фраза металлическим скрежетом отдается у него в мозгах, выедавая все ветренные мысли.

– Тебя не спросил, – продолжая игру, так же холодно и дерзко выплевывает парень, точно отвергнутый организмом яд, пропитанный желчью.

– Надо же, а ты все такой же мудака, – с превосходной театральной наигранностью, словно бедный маленький котенок, которого хочется приютить, произносит Шерил.

– Осторожней со словами, Шер, к твоему счастью, я отлично знаю сто и один способ, как придушить надоедливую суку, – язвительно шепчет Джонс, наклоняясь над ее ухом, а затем отстранившись расплываясь в блаженной улыбке от вида ее плотно сжатой из-за гнева челюсти. Его улыбкой можно было вскрыть вены.

На секунду она даже пожалела, что этого не произошло.

Обжигающее дыхание Джагхеда, пропитанное свежим зимним холодом, действует на нее каким-то загадочным усыпляющим образом, из-за чего-то оставляя на душе неприятный пепельный осадок. Она никогда в жизни не могла и подумать, что хоть какая-то фраза парня способна стать побудителем такой реакции.

Никто ни разу не взглянул в их сторону. Пара стояла где-то в углу помещения, наслаждаясь взаимной антипатией сполна, глотая каждую колкую фразу, точно греющий душу бальзам. Но когда девушка поняла, что Джагхед вполне не против ее придушить, нервы почему-то не выдержали, порвавшись, точно тонкие паутинки под натиском его железного взгляда. Сердце ухнуло, падая куда-то вниз, в пропасть.

Она не заплакала. Через мгновение в воздухе раздался хлопок, приглушенный благодаря льющейся в воздухе музыке. Щеку Джагхеда пронзила легкая жгучая боль, постоянно то вспыхивая, то потухая. Место прикосновения ее ладони так же зацвело приятным разливающимся чувством, будоражающим кровь. И пока она покидала комнату, не выдавая своих потрепанных чувств, прикрытых за надменной маской, отлитой из лжи и стали, парень неизменно растерянно стоял с чуть приоткрытым ртом, опьяненный целым букетом чувств. словно реликвия; словно достопримечательность; словно так было всегда.

И без ее шоладно-орехового цвета глаз мир вдруг почему-то показался неинтересным черно-белым комиксом, где он – Король своего пустующего королевства, ни разу не меняет последовательность своих лишь жизненно необходимых действий.

Вот он, облаченный в свой самый лучший костюм, который он все же купил по-дешевке, стоит в комнате на краю обрыва возле бушующего океана, почти падая. Имеет при себе единственное, что так и остается его особенностью – серую шапку-корону, которую он так же заберет с собой в могилу. А она где-то далеко – в другом мире, быть может.

Недосягаемая Вишневая Королева, которую он по ошибке не принял в свою чету.

Где-то в той же сфере, где должно было находиться сердце, он ощущал лишь пустоту. Возможно, можно просто забыть обо всем, приняв участь цветочного мира. Просто умереть, получив по заслугам.

Но ведь тогда он погубит и Шерил.

Решив, что он этого себе не простит, Джагхед бросается вслед за девушкой, которая по странному стечению обстоятельств вдруг показалась ему недостойной смерти. И плевать, что он расклеился, мешая свои чувства с грязью; плевать, что стал рабом слащавых розовых чувств – Шерил нужна ему больше, чем воздух.

– Отвали от меня, Джонс, – грубо бросает девушка, когда тот пытается ухватить ее за кисть руки. Она и без того болит. Осталось не больше месяца. Да и если парень увидит, что она пролила-таки гребаную слезинку, поддавшись минутной слабости – сама себе не простит.

– Не могу, – сопротивляется Джагхед, все упорно пытаюсь посмотреть в ее глаза, но она отворачивается, прикрываясь своей маленькой кожаной сумочкой, идеально помещающейся в ладонь.

– Что тебе нужно, придурок?

И он молчит. Действительно, а что ему нужно? Ведь никогда он раньше не бегал за девушками, всегда все шло по обратной схеме. Что нужно говорить?

Он нервно сглатывает, пребывая в замешательстве. Тщательно обдумывает свои следующие слова, и в итоге приходит к одному единственному верному на его взгляд варианту, о каком при других обстоятельствах не мог даже подумать. Но сейчас он ссылается на то, что все равно умрет. Будь что будет.

– Ты, – неуверенно выдавливает он, и слова тонут в тишине, постепенно растворяясь, как будто так и не были произнесены. И, к своему удивлению, он не останавливается, не может нажать на педаль тормоза, – ты мне нужна, Шерил.

Она оборачивается, глядя на парня недоуменным взглядом, не может поверить в услышанное. Секунду назад она испытала нечто похожее, но никогда бы не подумала, что у Джагхеда появилось идентичное чувство, с самого начала показавшееся ей бреднями помутненного разума.

– Ты... – Она замуривает глаза. Шерил не может произнести эту фразу, намертво застрявшую где-то в горле.

Она ведь не какая-то сопливая девчонка Бетти Купер. Она – та единственная, кто так и останется упорно отрицать любые чувства. Но только сегодня она произнесет эту фразу. В первый и последний раз, и все же фраза изменит все, начиная новую историю. С

красной строки. Досконально изучит все чувства, которые не могла принять. Лишь потому, что его глаза, подернутые ледяной кристальной дымкой нежно-голубого цвета, заставляют ее сердце пропустить не один удар.

– И ты мне нужен, Джонс, – стараясь все же не показывать свою слабость, оставаться эталоном стойкости и равнодушия, на выдохе произносит Шер.

Розы, когда-то отравляющие их тело ядом, кристальной пылью были стерты с измученной кожи. Джагхед и Шерил наконец приняли друг друга.

– Похоже, нас ждет счастливая совместная жизнь. Можно посоревноваться, кто кого быстрее придушит, – улыбается парень, за что тут же получает от девушки оплеуху.

Шерил теперь всегда будет дарить парню свою взаимную счастливую улыбку, лишь со смехом вспоминая о временах, когда они не могли понять чувств друг друга. Джагхед когда-то с улыбкой посмотрит на вазу с белой розой, а дочь спросит его, почему это папа так сильно любит розы и почему мама всегда так трепетно их оберегает, на что родители только обменяются все теми же счастливыми улыбками.

Это была роза.

Роза, навсегда изменившая их жизни.

Примечание к части Небольшая зарисовка, сценаристом и музой которой стала милая **Apple Wight**.

Печенье.

Это превратилось в фантастически захватывающую нехитрую – вернее, очень даже хитрую – азартную игру: попытаться добыть себе заветную желанную печенку, усыпанную шоколадной крошкой, с кухни, где весь вечер хозяйничала младшая Блоссом, которой ребята уже с ехидной улыбкой приписали кличку «Королева шоколадного печенья». Пахло здесь действительно превосходно, примесь ванили с нотками шоколада сводила ребят с ума, в особенности Джагхеда, парня, полностью преданного еде.

На самом деле, не одно лишь печенье привлекало Джагхеда на этой кухне...

«Вечеринка по случаю ее второго дня рождения» – именно так назвала это событие Шерил, пригласив ребят, подаривших ей второй шанс на жизнь. Она была им по-настоящему благодарна, поэтому зареклась сделать этот вечер максимально дружеским, теплым и домашним. Настолько согревающим, чтобы забыть события недавно произошедшего кошмара – ледяного и до сих пор напоминающего о себе постоянным присутствием промораживающего ветерка, где-то внутри, под кожей.

Мать ушла по-настоящему раздраженной, когда Шерил «вежливо» попросила ее покинуть дом, чуть ли не захлопывая за женщиной дверь. В этом незаурядном поступке она не видела совсем ничего чрезмерно казусного или нелепого, малохольного или экстраординарного, – в общем, девушка упрямо считала себя ни в чем не виновной. Так и было, Шерил сделала все как нельзя правильно. И сейчас, пока она с увлечением печет печенье небольшими партиями, в комнате для гостей ее ждут Арчи, Бетти, Вероника, Кев и Джагхед, временами посмеиваясь над незатейливым, но легким сюжетом фильма, недавно вышедшего в прокат, но уже покоровшего сердца многих людей.

Кажется, вот так все и должно было быть всегда, – компания преданных друзей, горячее какао с кусочками нежного маршмеллоу, сладкое печенье с шоколадной крошкой, счастливый искренний смех и интригующие фильмы, на которые, по правде, в такой дружной компании мало кто обращал внимание. Все это – необходимые составляющие одного сложного механизма. Извилистая кривая дорожка, ведущая прямоком к страхам и боли, состоящая из множества поражений и падений, пройдена, выкинута из памяти и заменена на нечто светлое и не содержащее в себе ужасную дилемму и меланхолию.

Арчи и Джагхед, упешно оставшись незамеченными, пробрались на кухню к Блоссом тире Королеве шоколадных печенек, пока та отвлекалась на какие-то свои хозяйские причуды в украшении закусок. На цыпочках подкрадываясь к столь недосыгаемой миске, наполненной свежееиспеченным печеньем, парни пару раз с залихватскими улыбками переглядывались, – именно это и привело их незатейливый план к краху, и он потерял былую легкость, канув в небытие вместе со всеми надеждами Арчи.

– Какие вы с Арчи нетерпеливые, так сложно подождать каких-нибудь жалких десять минут? – с неким возмущением, укором и легкими нотками раздражения спросила девушка, словно поймав двух маленьких мальчишек за какой-то глупой детской шалостью.

– Извини, – произнесли парни и незамедлительно удалились, подметив про себя, что это и есть почерк Шер – вот так обламывать их планы, пусть и по-глупому нетерпеливые.

Но Джагхед сдаваться не собирался.

У него были другие намерения, и новый план уже назревал в груди хитрого парнишки, твердо уверенного в себе и своем бесспорно гениальном плане. Не нужна особенная дальновидность, чтобы предугадать, что если парень вновь попробует провернуть подобную шалость с Эндрюсом, – их вновь незамедлительно поймают. С какой-то причудливой серендипностью парень заметил, что милая Шер смотрела на него как-то иначе, нежели на Арчи.

Возможно, это лишь нелепое безрассудное мнение, но не утверждать об этом было бы венцом абсурда. И Джагхед не чувствовал внутренне превосходство или излишнее самолюбие, просто чувствовал в ней наличие парадоксальных противоречивых чувств. Этим он и решил воспользоваться.

Шустро скрываясь то за стенкой или барной стойкой, то под столом или дверью, парень пробирался напрямик к своей сладкой мечте, и ведь даже не знал, кого подразумевал под таким определением, саму сладкую девочку Блоссом или же все-таки шоколадное печенье. Вглядела такая картинка крайне нелепо, но к его же удивлению этот план действительно работал.

Когда его цель была практически достигнута, а миска с печеньем находилась на каком-то незначительном расстоянии, – буквально протяни руку и возьми – Джагхед подскочил с места. Как раз невовремя и точно в тот же момент, когда повернулась его Королева печенья. Эти двое столкнулись и с шокированными выражениями лиц начали рассматривать друг друга, не в силах выдавить и слова.

– Упс, – все-таки выдавил парень, и его щеки налились легким румянцем, придавая ему смущенный виноватый вид. Про себя Шерил отметила, что так он выглядел уж слишком мило, *нельзя быть таким прекрасным*. И стоило этой мысли нагло всплыть в голове, она мигом ее зачеркнула, приписав напротив «маленький хитрый воришка».

Воришка, похитивший ее сердце.

Ну, и печенье заодно.

– Джагги, черт подери!! – выдохнула Шерил, изо всех сил стараясь придать своему лицу какое-нибудь злобное или пристыдящее его выражение, но от такой милой картины ей удалось выдавить лишь что-то отдаленно напоминающее гнев и сильнее напоминающее мечтательное нежное восхищение.

– Всего одну, по-дружески, – с умоляющим щенячим видом попросил парень, едва сдерживая силы подавлять откуда-то взявшееся желание просить ее на коленях.

– Ты же прекрасно знаешь, что мы не друзья, Джонс, – сложив руки на груди, выдает

девушка, прекрасно владея природной самодовольностью и способностью в лишний раз подколоть, – иди отсюда.

За фразой следуют долгие мучительные взгляды, наверняка способные прожечь друг друга насквозь. Сквозящее в воздухе напряжение мощностью с тысячу вольт. Затем едва мелькающие улыбки на губах, хорошо скрываемые, и все-таки рвущиеся наружу. Шерил навino считает, что парень не заметил такой секундой слабости, которую она позволила себе, не подрасчитав собственных возможностей в этой области. Возможно, следует еще попрактиковать сдержанность под таким нежным взглядом пронзительных голубых глаз. Но Джагхед заметил всё, что ему требовалось, чтобы пойти на следующий шаг.

Незамедлительно сокращая расстояние между ними, Джонс Третий притягивает за талию наигранно неподступную Блоссом, прильнув к ее в кои-то веки ненакрашенным губам, что делало ее моложе и прекрасней, удваивало ее безобидность и позволяло парню увидеть каждую из её истинных эмоций, точно под досканальным рентгеновским взглядом. Но ее выдавала даже не улыбка. Шерил выдавал взгляд.

Говорят, глаза – зеркало души, и это далеко не глупое утверждение. Все ее чувства действительно читались в этом взволнованном взгляде, не сочетающемся своей нежностью и добротой с ее броским вызывающим видом, точно говорящим о том, что она далека не пай-девочка.

Он точно знал, что сподвигло его на такие меры; парня даже не пугало, что он поддался этой слабости – просто по-настоящему хотел узнать вкус ее губ, как он и предполагал, оказавшихся сладостно-вишневыми. Шерил не оттолкнула его даже не по той причине, что была обескуражена или шокирована, девушке просто нравилось это разливающееся по телу тепло, наиболее сильно ощущаемое в месте касания его ладони. Ей просто нравилось это завораживающее, сумасшедшее и ужасно головокружительное чувство. Она уже не чувствовала себя победительницей, без лишних сопротивлений добровольно отдав ему свое первое место. И чувство превосходства над ней Джагхеда как-то пугающе опьяняло Шерил. Этот поцелуй уложился в короткие несколько секунд, и все же этого было достаточно, чтобы забыться, почувствовать себя последней дурой, но вновь желать этого нежного поцелуя, заставившего ее сердце забиться чаще.

– Ты права, Шерил-Бомбочка, – остранившись, произнес парень, уже попутно хватая ту печеньку, которую теперь мог заслуженно забрать, с легкостью выведя девушку из строя, – мы не друзья, – приглушенным эхом доносится из неосвещенного коридора, где парень уж слишком быстро успел укрыться, избежав наказания. В этой фразе мелькал навязчивый подтекст, заставляющий ее бледные щеки вспыхнуть пунцово-багряным румянцем, почти таким же, как и у самого парня всего несколько секунд назад.

Так он оставил ее на кухне в бесконечных размышлениях о случившемся, неосознанно трогаящую пальчиками губы, горящие и саднящие от недостатка его губ. Она не знала, как реагировать на свои странные чувства. Весь оставшийся вечер ей только и оставалось, что обмениваться с Джагхедом многозначительными взглядами, наполненными то ли обвинением и укором, то ли желанием продолжения и вспухнувшим трепетным чувством.

*Кто знает, сколько еще печенек за этот вечер заработал себе негодный хитрюга Джонс
Третий...*

Примечание к части Еее, наконец мои ручонки добрались до dark!Багхеда!!>.<

Еще одна работа, связанная с звездами, но мне ведь нужно было к чему-то привязывать название фика;)

К звёздам.

Еще новый отполированный до блеска мотоцикл черно-белого окраса «Honda–CB650F» неся по пустому пыльному шоссе, оставляя позади себя кучерявые клубы дыма, по цвету слегка напоминающие корицу. На бескрайнем просторе черного чистого неба звезды горят бриллиантами, а кроны деревьев вокруг немного покачиваются от слабого ветра, наполненного сладким спокойным запахом ночного летнего леса. Элизабет крепко обнимает Джагхеда сзади своими крохотными ручонками, и это ощущение вызывает у парня внутри трепетное волнительное чувство, охватывающее и пленяющее, медленно покрывающее каждую клеточку его тела тоненькой кромкой, словно налет. Тепло, эйфория, экстаз, гордость, азарт, драйв – и это еще малая часть составляющих этого могущественного неповторимого чувства, размерами с список, способный полностью обогнуть экватор трижды. За это любой человек отдал бы все, что имеет, только бы хоть на секунду однажды почувствовать. В них же это чувство царило и доминировало каждый раз, когда они проводили время вместе.

Девушка приняла парня таким, какой он есть, ведь когда-то он сделал для нее то же самое. Где-то через месяц она обнаружила себя в пафосной черной кожанке и обтягивающих до неприличия лосинах того же цвета. Очевидно, Элис бы посчитала такие изменения возмутительными и непозволительными, но Бетс уже было попросту плевать. Её семья – Джагхед, и большего ей не нужно.

Ей нравится, насколько сексуально Джаг выглядит в этой куртке с нашивкой змеев «South Side» и без серой шапки-короны, что он никогда не мог позволить себе снять. Теперь девушка могла запускать ладошки в его мягкие шелковистые волосы и вдыхать их миндальный ореховый аромат с примесью жасмина. Все эти внезапные сумасшедшие изменения остальные называют глупым необдуманым поступком, но эти двое даже слушать не хотят. Так они могут наконец обрести то, что давно ищут, – свободу.

Ветер из-за скорости посвистывает в ушах, а звериное рычание транспорта наполняет кровь адреналином, вскружая обоим головы. Парень обещал привезти Элизабет в какое-то особенное место и сделать ей некий умопомрачительно красивый подарок, и девушка охотно согласилась, про себя отметив, что куда бы он ее ни повез, все пройдет превосходно. Мощное эмоциональное состояние, характеризующееся повышенной самоотдачей и эмоциональным запалом: воодушевление, энтузиазм, вера в успех, внутреннее влечение, порожденное некой потребностью, – именно то чувство, что прямо сейчас поселилось глубоко в их сердцах, не желая отпускать, цепляясь в как можно более цепкой звериной хватке за струны души.

– Ромео и Джульетта? О, нет, Джаг, слишком печальная история, не то, – воодушевленно оспаривает Элизабет, придумывая собственный вариант. Голоса приглушены из-за шлемов, скрывающих мечтательные улыбки, отражающих лунное свечение, и бешеного ветра, сквозящего в ушах, – приходится кричать.

– Сид и Нэнси? – вновь предлагает парень, едва слышно усмехаясь.

С некоторых пор в нем превосходствовали новые чувства, ранее тщательно прикрытые за высоко водруженной к небу стеной, размерами напоминающей Китайскую. Раньше апатия, прострация, рефлексия, опустошенность и другие вытягивающие все силы эмоции, медленно разрушающие его по крохотным кусочкам. Элизабет собрала его заново. Элизабет вернула ему силы, веру и надежду на лучшие времена.

– Боже, ну Джагги, нет, нет, и еще раз нет, – вновь с триумфальным рвением перечеркивает его предложение Бетс, растягивая губы в победной улыбке.

– Тогда, Бонни и Клайд? – не прекращает парень, не отрывая своего внимательного взгляда от дороги, уходящей в вечность. На горизонте блеснули манящие звезды, отражая свой свет в его глазах, и от такого восхищения парень уже бы не смог избавиться.

– Почему в историях всех, кого ты предлагаешь, всегда такая грустная концовка, Джагги? – с отягощающей озадаченностью спрашивает девушка.

– Мне кажется, во всех красивых историях всегда грустная концовка. Это неизбежно, Бетс, – расстроенно выдыхает парень, – но, по крайней мере, про нас однажды снимут пару душещипательных фильмов и, быть может, создадут малоинформативную страницу в Википедии, – смеется парень, стараясь хоть как-то затмить всю печальность собственных слов, за которые при других обстоятельствах, очевидно, уже получил бы наигранно печальный взгляд Бетс.

– Я не хочу такой ценой получать страницу в Википедии, Джаг, – чуть угнетенно отвечает девушка, ведь слова парня задевали даже без ее на то ведома, – есть куда более простые способы. Золушка и прекрасный Принц, например, – с удовлетворением предлагает Элизабет и тут же слышит разливающийся по воздуху сладкой мелодичностью беззаботный хохот парня. Именно ради этого смеха она находила смысл жить, и слышать его вновь было каждый раз, как в первый – невероятно приятно, до мурашек по коже.

Бетти в него давно по уши.

– Бетс, я ведь далеко не Принц, у меня даже великолепного замка нет... – и с толикой смущения добавляет, – а вот ты, милая Бетти, на роль Золушки точно подойдешь.

Джагхед в неё давно по уши.

– Просто прими мою идею хоть раз, Джагги, – раздосадованно просит девушка, точно маленький ребенок желая собственной победы в споре.

Это было ребячеством, и Элизабет это прекрасно понимала, но она могла позволить себе такую роскошь. У нее есть свобода и несколько пачек долларов в сумке, а еще, что более важно, – человек, которого она любит и который любит ее в ответ. Большого и не нужно.

– Будь по-твоему, Принцесса, – усмехнулся парень, все еще не отрывая взгляда от прекрасных звезд на горизонте, похожих по его мнению на сладкие кристальные леденцы. Он стремился к этим звездам, сам того не зная.

– И куда же мы едем, мой Принц? – едва сдерживая смех, спросила девушка.

– Ты... Ты пойдешь со мной к звездам? – спросил парень своей самой серьезной интонацией, что весьма пугала Элизабет.

– С тобой хоть на край света, – таким же спокойным размеренным голосом ответила девушка, немного прикрывая глаза, дабы насладиться этим моментом сполна; дабы почувствовать его лучше и запомнить все эти запахи и чувства, перенести их через года.

– Тогда, наш путь – напрямик к звездам, – с восхищением, отдающим слабыми терпкими отголосками печали, произнес Джагхед.

– К звездам, – зачем-то повторила Элизабет на выдохе, растягивая губы в блаженной полуулыбке.

Джагхед привез ее на берег реки Свитуотер, что было довольно ожидаемо, и все же не менее мило. Сняв шлем, девушка слегка качнула головой, отчего волосы плавно и невероятно красиво, как в кинематографической съемке, сделав в воздухе пару незамысловатых грациозных и легких движений, упали на ее плечи живописной россыпью. Этот короткий момент отпечатался в памяти Джонса навеки.

Расстелив мягкий пушистый плед на крупных, приплюснутых как блинчики камнях, юноша пригласил Элизабет присесть, и на его лице играло какое-то подозрительное волнение, чередующееся со спокойствием. Затуманенный сальнодействующими таблетками разум и свежий прохладный ветерок, исходящий от реки, протекающей всего за пару метров от них, – превосходное сочетание для парочки, с головами окунувшейся в беззаботную «гангстерскую» жизнь, приправленную горчинкой всевозможных опасностей, поджидающих на каждом шагу.

На их тела то и дело падали крохотные капельки, принесенные ветром от реки, разбрызгивающейся волнами о небольшие валуны. На быстром рябющем потоке густого смолянистого цвета мелькало пляшущее отражение полной луны ментолового цвета. Холод пробирал до костей, но сегодня, казалось, уже ничто не могло испортить этот вечер.

– Джагги, а как идут к звёздам? – все с теми же детскими наивными вопросами продолжала игру Бетс со святящимися от счастья глазенками.

– Наверное, это происходит тогда, когда идешь к финишной прямой по тропе из кирпичиков боли. Возможно, иногда при этом ты испытываешь множество терзающих

душу потерь. Но это именно те потери, что делают из тебя совершенно другого человека и кардинально меняют жизнь, начиная с белого листа; с красной строки, – парень склонил голову набок и поник. На его лице отражалась философская задумчивость. Кажется, он был далек от этого мира, где-то на просторах космического и недоступного для восприятия, – и пусть это больно, именно так идут к звёздам.

Парень посмотрел на реакцию Элизабет. Девушка смотрела на него с неким помешательством и восхищением, точно на своего недосягаемого кумира, что прямо сейчас снизошел с небес. Это чувство их и сплачивает. Оба находят друг в друге совершенство. Это чувство, возвышающее к небесам. И оно живет в их сердцах. Всегда.

– Ого, ты заумных книжонок прочитался, Джонс? – с очаровательным свечением честных влюбленных глаз спрашивает девушка, чуть укорительно.

– Не моя прерогатива делать то, что мне неprisуще, Бетс. Мы ведь оба это любим. Знания, невероятные открытия, путешествия и тяга к приключениям, – с увлеченной живописностью констатирует парень, не отрывая от девушки взгляд. Сколько бы он ни пытался, это никогда у него не выходило слишком просто, поэтому парень вновь и вновь млеет при виде ее зеленых изумрудных глаз.

– Ты прав, – через несколько секунд тревожного молчания подтверждает Элизабет.

– Ну а теперь то, ради чего я привез тебя сюда, – с самодовольной улыбкой произносит Джагхед и достает из кармана куртки тоненькую переливающуюся при свете луны цепочку, – я думаю, это тебе понравится.

– Ради подарка ты и привез меня сюда?

– Подарок – наше времяпровождение наедине с тишиной и звездами, а это так, сопутствующий приз в азартной игре, – отводя глаза и широко улыбаясь, произносит Джагхед. Улыбка, не прикрывающая ряд белоснежных зубов – её самая любимая. Так он красивее в триллионы раз.

– С каждым днем ты удивляешь меня все больше, – с трепетным взглядом шепчет Бетс подрагивающим от счастья голосом. На ее глазах собираются блестящие дорожки слез. И когда одна вдруг стекает тонкой кривой линией по её щеке, парень смахивает её большим пальцем, замороженно глядя на это прекрасное лицо. Джагхед действительно превратил ее жизнь в красивую сказку, рисованную каким-то до невозможности талантливым мастером.

Джагхед попросил ее повернуться и, перекинув мешающие блондинистые волнистые волосы девушки на левую сторону, начал застегивать незамысловатый замочек, так упорно неподдающийся его непослушным рукам. Когда ему наконец удалось повернуть столь сложное в его глазах испытание, парень отправился к своему мотоциклу, желая достать из сумки бутылку с водой. В горле от такого волнения пересохло, и парень даже не знал, какого оно происхождения и откуда взялось.

Эта дорога стала для него последней. Ничто не предвещало беды, но когда он убрал воду

обратно в рюкзак и собрался вернуться к своей обожаемой девушке, в воздухе послышался режущий слух звук выстрела. Внезапный, резкий, отдающийся болезненным эхом в голове. Парень не почувствовал боли. Он почувствовал лишь просачивающееся тепло, почему-то предательски покидающее его тело.

– Джагги!! – послышалось откуда-то издалека, из другого измерения, каким-то до боли знакомым сладким и невероятно убаюкивающим голосом. Мысленно он отметил, что это именно то, что ему бы хотелось услышать в последние минуты.

– Джагги, черт возьми!! – слезы непрерывающимися потоками скатывались по ее бледным щекам, пока она набирала «911». Связи в лесу не было.

– Не умирай, пожалуйста, я просто поймаю связь и обязательно дозвонюсь, слышишь? – выдавливает она через всхлипы, придерживая одной рукой его голову, а другой рану в области сердца. Перед глазами девушки все плывет и размывается, а рука тонет в липкой густой горячей массе.

– Прости, Бетс, но видно наша прекрасная история, похоже, не станет исключением из правила, закончившись так же быстро и грустно, как остальные, – она не хочет верить в его слова. Не хочет так же думать и о том, что человек, оказавшийся убийцей ее самого дорогого человека, вероятно, все еще скрывается где-то в лесу, за столбами деревьев.

То, что более всего обескураживает и убивает – его неподдельно счастливая улыбка. Джагхед, едва слышно посапывая, делая свои последние тяжелые глотки воздуха, улыбается. Он счастлив, что его любимая девушка рядом. Он счастлив, что наконец сделал последний шаг навстречу к звездам. Однажды девушка заведет счастливую семью, сыграет незабываемую свадьбу с каким-нибудь достойным парнем, и через десятилетия они встретятся, как старые приятели, среди этих звезд – вот она, его прекрасная сказка.

И в то же время в душе девушки происходят нещадные взрывы, ломающие ее на хрупкие детали, и она безропотно этому подчиняется. Элизабет чувствует, как душа покидает ее тело, и беспомощно отпускает её. Чувствует, как небо и земля сливаются воедино, и она без должного смятения и беспокойства опускает руки, бессильно наблюдая за своей гибелью под давлением небосвода. Чувствует, как огромная волна цунами сбивает ее с ног, наполняя легкие морской соленой водой, и она концентрируется на этом чувстве, с полной решимостью глотая воду снова и снова. Чувствует, как падает с обрыва в бесконечную пропасть, и пораженная, охваченная хандрой и лихорадкой, смиренно принимает свою судьбу.

Она умерла в тот же день вместе с Джагхедом.

– Я люблю тебя, Бетти Купер, – все с той же беззаботной мечтательной улыбкой произносит парень, – встретимся среди звезд, – это было последним, что он сказал своей возлюбленной.

– Я люблю тебя, Джагхед Джонс, – ответила Купер, захлебываясь собственными солеными слезами, мешающимися с морской водой. Это было последним, что он услышал в

своей жизни. Это было самым прекрасным, что он только мог получить от жизни в свои последние секунды.

Джагхед победил в этой жестокой игре, умирая без чувства боли и сожаления. Победил, улыбнувшись беспощадной жизни, с вызовом посмотрев смерти в глаза. Они были на равных. Джагхед победил. Джагхед ушел навстречу к звездам.

Три года спустя.

Время скоротечно, но для девушки оно шло по часам, возведенным в квадрат. В два раза медленнее, все более уничтожая ее с каждой мимолетной секундой. Сейчас она стоит посреди комнаты, пустым взглядом промораживая свою случайную жертву – окно, возле которого они впервые поцеловались. Держит одной рукой уже нагретый кулон в виде звезды, подаренный ей Джагхедом. Элизабет было не жаль оторвать этот пластырь из поддержки и вновь расцарапать старые раны, предавшись мыслям о Джагхеде.

Глубоко внутри, где-то между беспокойным разбитым, едва бьющимся сердцем и тугими ребрами, покрытыми кривыми полосами трещин, витиевато расходящимися, парень заполнил все пустое пространство своим сияющим светом. И этого солнечного света хватит на десять Африк.

Она сама внесла лепту в это саморазрушение, день ото дня вспоминая его прекрасные синие глаза. Вспоминая все, что он говорил ей когда-то.

– Встретимся среди звезд, – глухим эхом разносилось по комнате, напоминая о собственном сумасшествии. Будто он находился рядом. Вот здесь, прямо за ее спиной, нежно и неприступно чеканя каждую фразу, выжигающуюся у нее на коже саднящей вспыхивающей болью. Эта фраза осталась для остальных за кадром грустной пьессы.

В этот день она поняла, что Джагхед не прогадал, предлагая пары, чей конец был столь печальным и кровавопролитным. Кажется, это незаменимая составляющая любой по-своему прекрасной истории.

Если ты пережил страшную трагедию – например, стал свидетелем смерти самого любимого человека в твоей жизни, многие люди смогут понять, что у тебя есть полное неоспоримое право впасть в депрессию. Они будут тебе сочувствовать. Но спустя определенный промежуток времени ты начнёшь их раздражать: «Прекрати, хватит!!! Да, ты однажды пережила ужасную боль, но ты не можешь вести себя так вечно». На такие фразы остается лишь кивнуть головой, мысленно обругав всеми неприличными словами. Ведь черт подери!! Оттого, что человек умер, его нельзя перестать любить! Нельзя, в особенности если он был в миллионы чертовых раз лучше многих живых.

Самое интересное, что когда ты стараешься избежать ловушки, в итоге сам себе ее строишь и сам себя в нее загоняешь. Так произошло и с ней самой. Загнала себя в ловушку. Ни шагу вперед, лишь цепь замкнутого круга снова и снова. Она просто прожигает свою жизнь, на автомате выполняя свои обязанности. Смириться с его смертью невозможно, учитывая, что даже убийца не был найден, и это больше всего убивает.

Треклятая жизнь неслабо ее потрепала, обезоружила. Бессонные ночи и вечное голодание. Временами нахлыывающие болезненные воспоминания и презренные взгляды матери, так и не простившей ее. Возможно, идеальные отношения – ложь, прикрытая за красивой упаковкой. Но эти отношения – действительно чудо, за которое она благодарна. За все прекрасное нужно дорого платить, это простая истина. И пусть у них было мало времени, его еще будет полно, она в этом полностью уверена.

– Встретимся среди звезд, Джагги, – шепчет Элизабет, проливая свою последнюю слезу.

Так или иначе, никакая смерть не способна разлучить их. Никогда.